

ЦЕНТР КОМПЛЕКСНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ТОБОЛЬСКИЙ
КЛУБ

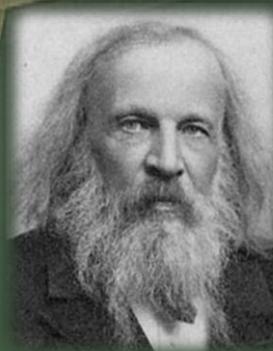
РОЛЬ СИБИРИ В СОЗДАНИИ РОССИИ: культурные и исторические аспекты

Ермак Тимофеевич

С.Ю. Витте

Д.И. Менделеев

Н.Н. Муравьев-Амурский

Проект «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0»

Доклад Тобольского клуба № 2

Москва, 2025

Полная версия доклада доступна на сайтах Центра комплексных европейских и международных исследований ФМЭиМП НИУ ВШЭ (sseis.hse.ru), Совета по внешней и оборонной политике (svop.ru), журнала «Россия в глобальной политике» (globalaffairs.ru) и на персональном сайте С.А. Караганова (karaganov.ru).
Электронная версия открыта для свободного ознакомления.

Использованные изображения портретов видных исторических личностей, связанных с освоением Сибири (Ермак Тимофеевич, С.Ю. Витте, Д.И. Менделеев, Н.Н. Муравьев-Амурский) являются общественным достоянием и взяты из открытых источников.

Ведущий автор

Бляхер Леонид Ефимович – доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, председатель Хабаровского филиала Всероссийского политологического общества, член Философского научного общества

Ответственный редактор

Караганов Сергей Александрович – научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, научный руководитель проекта «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0»

Соредактор

Козылов Илья Сергеевич – преподаватель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, руководитель проекта «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0»

Благодарим всех участников обсуждений и в особенности, заседания Тобольского клуба 18 августа 2025 г. за активное участие, ценные замечания и поддержку при подготовке настоящего текста. Особую признательность выражаем А.С. Федотову, А.В. Ложниковой, П.А. Протасову, З.Р. Баязитовой, А.Г. Мазаеву, С.А. Просекову, Н.А. Вукович, А.А. Изгарской, И.В. Олейникову, В.А. Любицкой, А.В. Сухову, П.В. Ткаченко за содержательные идеи и дополнения, которые были учтены и нашли отражение в итоговом варианте доклада.

Содержание

Введение. Сибирь в судьбе России.....	5
Ключевые тезисы	12
Сибирь и образы Русского мира	15
Сибирский свет русской истории.....	28
Сибирь имперская.....	37
Советская Сибирь – оплот «большой России».....	49
Сибирь современная: работаем и ждем.....	56

Введение. Сибирь в судьбе России

*Сибирь!.. Напишешь это слово –
И вдруг свободная мечта
Меня уносит в край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встает передо мною.
И, мнится, вижу я Байкал
С его прозрачной глубиной,
И цепи гор с громадой скал,
И бесконечную равнину
Вокруг белеющих снегов,
И грозных, девственных лесов
Необозримую вершину...*

Иван Никитин

Настоящий доклад основан на историко-культурных исследованиях гигантского региона, расположенного между Уральским хребтом и Тихим океаном. Наша работа представляет собой продолжение концептуальных положений доклада «Поворот на Восток 2.0, или Сибиризация России», подготовленного под руководством С.А. Караганова коллективом исследователей факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, а также ряда идей авторов, объединившихся в рамках Тобольского клуба.

О том, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью...», помнят, наверное, все, кто не прогуливал школьные уроки истории. Помнят и то, что Сибирь – это кладовая, содержащая невероятные природные богатства: от ценных мехов и уникальных пород рыбы до нефти, газа, драгоценных и редкоземельных металлов. Однако знание это для жителя европейской части страны существует где-то на далекой периферии. А события, происходящие в самой Сибири, остаются чуть ли не более экзотической вещью, чем история Центральной Африки или высокогорий Тибета.

Казалось бы, для такого взгляда есть все основания. На протяжении последних столетий великие войны полыхали в других частях света; отсюда, из Сибири, не исходило мировых угроз. Не здесь по большей части воплощали свои замыслы великие писатели, художники, ученые – даже если они родились в Сибири. Да и «настоящая история» – она вся в западном направлении. Именно там были замки и рыцари, принцы и прекрасные дамы, там одерживали победы великие полководцы.

А в Сибири? Там бесконечное порой нудное, хотя и нужное, «освоение». Его пытались (причем успешно) романтизировать, возвеличить в советские годы. Только все это

и многое другое сгорело в пожаре перестройки и последующих драматических событий русской истории.

Да и в самом деле, кому интересно, что происходит в этой кладовке России? Разве только поугаать ею особенно плохо ведущих себя детей: дескать, будешь плохим мальчиком, посадим тебя в темную кладовку. Ну или испугаться самому. Тот факт, что особая, отличная от всех судьба России создавалась именно в Сибири и Сибирью, не просто остается «за кадром» – он теряется на просторах современного информационного поля. А зря.

Невероятное историческое событие – рождение за исторически ничтожный срок русской Сибири – по разным причинам выпало из коллективной памяти. Оно стало восприниматься как нечто не очень сложное и само собой разумеющееся. То, что Сибирь не только «осваивали», но и отвоевывали, сражаясь с сильным и жестким противником, а невероятные приключения первопроходцев в мире за Уралом превосходили все походы испанцев, португальцев, да и англичан с французами, просто растворилось в прошлом¹. В последние же века все было иначе.

Действительно, в последние столетия войны затрагивали Сибирь лишь по окраинам. Здесь не столько воевали, сколько строили – дороги, города, заводы, порты, добывали столь необходимые стране мех, серебро, золото и многое-многое другое. Отсюда на фронт поступали пушки и подводные лодки, самолеты и танки, шли защищать страну *сибирские дивизии*. Казалось бы, определяющее участие Сибири и сибиряков по крайней мере в хозяйственной жизни страны должно быть замечено и отмечено. Но нет – здесь мы наталкиваемся на типичную аберрацию исторических описаний общества, уже не единожды отмеченную исследователями².

Какая-то (часто незначительная) часть социума проявляет себя в источниках (хрониках, летописях, на страницах газет, в социальных сетях и т.д.) столь ярко и заметно, что именно ее история остается в анналах. Собственно, чаще всего именно представители этой части и пишут историю. Большая же и наиболее значимая в реальной жизни часть просто выдавливается в «тень», «делается отсталой»³. В нашем случае «отсталой», не осознавшей величия «русских европейцев», делалась Сибирь и ее обитатели. Сибирь действительно была другой, не западной. Но вот отсталой ли? Там, в западных губерниях страны, была особая Россия – «Россия для Европы». Там строили города

---

¹ К сожалению, эти невероятные приключения так и не нашли своего Майна Рида и Фенимора Купера. Книги, посвященные этому, продолжают оставаться на периферии общественного интереса. Приведем некоторые: Бляхер Л.Е. Забытая война на имперском фронтире (антропологические очерки рождения русского Приамурья). Хабаровск: ТОГУ, 2023; Иванов А.В. Тобол. – М.: Альпина. Проза. 2022. Кречмар М.А. Сибирская книга. История покорения земель и народов сибирских. – М.: Бухгалтерия и банки, 2014. Фадеев А. А. Последний из удэге. М: Гослитиздат, 1949.

² Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия, 1910–1925, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

³ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914, М.: Новое литературное обозрение, 2006.

«как в Европе», купцы старались торговать «как в Европе», аристократия устраивала свой быт не как удобно, а, например, «как во Франции». Даже оппозиция всеми силами стремилась быть «европейской оппозицией». Этим людям, не живущих, но играющих в чужую жизнь, высмеивали еще Н.М. Карамзин⁴ и позже писатели славянофилы⁵. Не то чтобы этих имитаторов было много. Но именно их старания обретали форму текста, становились «историей».

И лишь в Сибири люди жили не напоказ, а так, как им самим удобно. Если нечто «западное» может улучшить жизнь сибиряка, то он охотно это заимствует. Но заимствует не для того, чтобы устроить свое бытие на «европейский» манер, а только чтобы сделать лучше свою, привычную, жизнь. Сибирь в отличие от «России напоказ», которую пытались построить «русские европейцы», была Русским домом, где человек не старается кому-то что-то показать или доказать, а строит жизнь так, как ему удобно. Русским домом она остается до сих пор.

Отсюда вытекает вывод, задающий рамку всего нашего исследования, и его важно обозначить уже во введении. Вплоть до настоящего времени история Сибири была не просто неотъемлемой частью истории России, но ее важнейшей частью, местом, где ковалась ее особая, непохожая ни на какую другую судьба. Да, правы «русские европейцы»: именно Сибирь не дала России стать одной из европейских держав. Россия оказалась слишком большой, слишком иной для Европы. Да и Европа все более оказывается слишком маленькой для России, возвращается на свое место «аппендикса Евразии». И дело не только в том, что Сибирь спасла Россию от судьбы «пороховой империи», породила особый тип власти (власть-раздаток вместо власти-изъятия), создала особый тип хозяйственной жизни, приложение к которому классических европейских моделей приводит к тому, что описывается нечто крайне интересное, но, увы, относящееся скорее к пожеланиям автора, нежели к стране за окном кабинета. Дело в том, что *Сибирь породила уникальный антропологический тип – российского человека*. Он не стремится стать европейцем или еще кем-то. Он знает, что никто, кроме него, здесь просто не сможет выжить, врасти в почву, укорениться. Он не пытается быть «как в Европе», «как в Америке», «как в Китае». Он живет как в России, привольно и неторопливо.

Он не в восторге от небоскребов-«человеяников». Предпочитает жить рядом со своими, но автономно. Он понимает ценность социальных связей. В Сибири без этого просто не выжить. Только взаимовыручка с соседями, друзьями, земляками поможет на бескрайних и суровых просторах. Ради дружбы он готов на многое, на жертву. Но он не растворяется в массе, по любому поводу у него есть свое мнение.

---

⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М.: Правда, 1980.

⁵ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Да и нет здесь этой массы. Людей не хватало всегда. Не хватает и сегодня. Потому и предпочитает сибиряк жить отдельно, своим домом, своей головой. Он знает: *хочешь, чтобы было хорошо, – сделай сам*. Он не живет в мире разделенного труда. Не потому, что непрофессионален, а потому, что знает: завтра человека рядом на конвейере может не оказаться, потому и учится обходиться без «смежников», быть универсалом.

Он, без сомнения, патриот. Но не бегаёт с выкрикиванием патриотических лозунгов по улице. Любовь к своей стране, к своей земле и любовь к своей женщине, своей семье здесь явления одного порядка. Россиянин-сибиряк знает, что жить так, как он привык, как ему нравится, он может только здесь. И эту возможность, без которой и жизнь не жизнь, он готов защищать до конца.

Так сложилось, что столетия «лицом к Европе» привели к появлению другого россиянина, «русского европейца». Такой россиянин очень хочет жить в Европе или в крайнем случае «как в Европе». Он точно знает, что ничего хорошего в России быть не может. А если вдруг появилось, то это принесли цивилизованные европейцы или украли коварные русские. Такой постоянно недовольный персонаж, более всего на свете стремящийся получить признание извне, не живущий, но все время «презентующий себя» в качестве «европейца», к несчастью, в последние десятилетия широко распространился по бескрайним просторам России. Он не просто поселился в мегаполисах, где старательно потребляет эспрессо с маффинами, презирая «жалкие» пирожные или ватрушки, выступает спикером на форсайт-сессиях и стримах (не докладчиком же на заседаниях или встречах ему выступать), он живет в каждом из нас, заслоняя изначальный антропологический тип.

Долгие годы, десятилетия и даже века «русский европеец» был вполне привычным и в чем-то даже полезным элементом родного ландшафта. Через его посредство в страну попадал не только мусор, но и вполне рациональные, применимые дома вещи: наука, дипломатия, армия, технологии и многое другое. Но сегодня ситуация меняется. Позиция «вечно догоняющего» для России не просто контрпродуктивна. Она становится опасной, не позволяющей видеть конкурентные преимущества нашей страны, определять ее место в будущем, формирующемся на наших глазах новом мировом порядке. Не только промышленное лидерство, но и инновации, финансы и просто благополучие покидают Европу. Вот только оборот к Востоку, куда утекает мировое лидерство, не может означать «быть как в Китае». Слишком разные условия (климатические, демографические, культурные) в наших странах. История взаимодействия России и Китая знала конкуренцию, охлаждение, дружбу, взаимопомощь. Но никогда один народ не стремился стать другим. Здесь и стоит вспомнить о том, что Россия и ее жители могут быть не только кем-то иным – они могут быть собой в жизни, в работе, в управлении.

Сегодня крайне важно призвать сибиряков в систему управления страной. Прекрасен пример С.С. Собынина – лучшего градоначальника страны, родившегося в Сибири, успешного внести вклад в развитие Тюменской области. Но еще важнее привлекать россиян из европейской части страны для жизни и работы в Сибири. Сегодня, несмотря на старательно создаваемый образ «ледяного мира», пространства-тюрьмы, все шире распространяется иной образ Сибири. Сибирь – это место, где выше зарплаты, больше пространства для личной инициативы. Да, Сибирь – это Крайний Север. Но далеко не только. В Алтайском крае едва ли не лучшие здравницы в стране, в Амурской области собирают сравнимый с югом европейской части урожай зерновых, а в Приморском крае вызревают арбузы. Сибирь сегодня – это высокотехнологичные производства, научные центры, благоустроенные города с развитой социальной инфраструктурой. Именно в Сибири расположены многие лучшие вузы страны. Не обделена Сибирь и самой разнообразной культурной жизнью. Театральные коллективы Томска, Новосибирска, Иркутска, Хабаровска и Владивостока получили заслуженную известность не только в стране, но и в мире. Уникальные краеведческие музеи привлекают и отечественных, и зарубежных посетителей. Картинные галереи местных художников и великих мастеров прошлого ежедневно открывают свои двери перед новыми гостями. Любители спорта знают красноярский «Енисей» и хабаровский СКА, владивостокский «Луч» и множество других сильных команд. И не только большой спорт, но и множество детских и молодежных спортивных секций, фитнес-центров, тренажерных залов и спортивных площадок во дворах. При этом Сибирь – это уникальные природные ландшафты. Обское море и великий Байкал, красноярские столбы, Алтай и Саяны, уникальные красоты Лены и Амура, камчатские вулканы и Шантарские острова – все эти чудеса открыты для сибиряков и всех россиян, решивших стать сибиряками.

Особенно важно это для *новых россиян*, из возвращающихся в Россию субъектов. Ведь для многих из них Россия ограничивается небольшими территориями, примыкающими к их прежнему месту жительства. Показать им подлинные масштабы России – это не только способ включения их в новый гражданский организм, но и (для многих) способ обрести новую «малую родину». А для Сибири – новые, так необходимые ей рабочие руки. Здесь они и любые другие переселенцы будут становиться лучшими россиянами, впитывая в себя «сибирскую заварку русского характера», которая упоминалась в наших предыдущих докладах. Необходимо не просто сохранить, но и сделать главным тип человека, который возник на Среднерусской равнине, а сложился в Сибири. Ведь именно он обеспечил великое прошлое страны. Похоже, что именно за ним великое будущее, особая судьба России. И, конечно, в Москве, столице великой Родины, должны стоять памятники благодарных соотечественников тем, кто присоединил Сибирь к России и сделал нашу страну поистине великой.

Эта логика уже частично институционализована и получила программное выражение в одном из наиболее масштабных и значимых проектов, возникших в новой России, – «Поворот на Восток»⁶. Перечислять сделанное в рамках этого мегапроекта можно долго. Проложены новые логистические маршруты, построены километры тоннелей, причальных стенок, целая сеть мощных трубопроводов. Встали новые заводы и мосты, реконструирован огромный город Владивосток, разработаны и успешно действуют новые экономические и правовые режимы, дающие толчок для личной инициативы и масштабных корпоративных инвестиций. Списка достижений в рамках этого «проекта проектов» хватит на отдельный доклад.

Но главная цель все же не была достигнута. «Поворот на Восток» был воспринят в качестве *технической задачи* развития Дальневосточного региона, вхождения в социально-экономическое и политическое пространство Восточной Азии. Его идейная основа осталась в тени. Ведь речь шла не только и не столько о факультативном обстоятельстве осложнений отношений между Россией и ЕС, а о принципиальном отказе от реальности «как в Европе», имитирующей реальности. Отсюда возникает необходимость пересмотреть привычный режим заимствований и самоописания страны.

Некогда ориентация на Европу позволила России пересадить на родную почву множество успешных европейских придумок, «ороднить» их. Это наука и техника, дипломатия и регулярная армия, это множество достижений, ставших неотъемлемой частью русской реальности. Но сегодня Европа уже не является центром инноваций, но остается лишь мировым центром потребления – строго говоря, «проедает» запасы, накопленные за века господства.

В этом плане ориентация на Европу сегодня не особенно осмысленна. Россия получила все, что могла позаимствовать, оставаясь самой собой. Теперь пора домой, в Сибирь. Здесь будут другие партнеры и иные формы жизни, не имитация, но подлинность Русского мира. Здесь умеют дружить с другими, отличными от тебя, не лезут со своим уставом в чужой монастырь. В этом плане проект сибиризации России продолжает и развивает проект «Поворот на Восток»⁷.

В основу настоящего доклада положены не просто работы историков, культурологов, философов, но острейшее осознание необходимости обретения *самости* всей страной. И проект «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0» – наш шанс на обретение этой самости. Отталкиваясь от идей, высказанных на состоявшихся в апреле 2025 г.

---

⁶ Можно вспомнить доклады клуба «Валдай» на ВЭФе с общим заголовком «К Великому океану». Мы сошлемся на одну из итоговых работ инициатора этих докладов С.А. Караганова: Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2015. № Supplement.

⁷ Иванов А., Попков Ю., Фотиева И., Шишкин М. «Миссия Сибири – воплощение русской мечты. Сибирь как ключевой регион в цивилизационной трансформации». Экспертный доклад Изборскому клубу // Изборский клуб. № 7(105), 2022.

Первых Тобольских чтений, мы попробуем показать, как ключевые образы русской культуры воплощались в гигантском пространстве за Уралом, как из «зародыша» – Московского княжества – *Сибирь «выносила и породила» великую державу, наследницу великих империй Северной Евразии и «восточной» Византийской империи.*

Ключевые тезисы

1. Рождение Сибири – главное, но оттесненное на периферию событие русской истории. Обращение к ней (сибиризация) есть возвращение страны домой, к источнику своего величия, своей силы, к лучшему в себе.

2. «Поворот на Восток» был воспринят и реализован в качестве технической задачи. Потому, достигнув большинства целевых показателей, он не достиг главного – не повернул к Востоку Россию. Проект сибиризации России – это продолжение и развитие мегапроекта «Поворот на Восток» не на уровне развития одного региона, но на уровне ментального разворота всей страны.

3. В Сибири воплотились наиболее значимые архетипы русской культуры (стремление к бескрайнему простору, справедливому миру и защищенности). За мечтой о просторе, о стране Беловодье и о благом царе Иване шли в Сибирь переселенцы.

4. Именно в Сибири воплотились главные особенности российской политики: не изымать, но наделять и защищать, не обслуживать интересы того или иного «класса», но создавать целостность новой реальности.

5. Богатства Сибири, не изъяты у кого-либо, но созданные для государства и государевыми людьми, позволили Московскому княжеству превратиться в Великую Россию.

6. В Центральной России для пользования технологиями и успехами Европы, которые она приобрела во многом благодаря грабежу колоний, была создана прослойка «русских «европейцев», с середины XVIII в. все больше отрывавшихся от духа и «тела» народа. В Сибири было во многом по-другому. Там даже в правящем слое сохранилась «самость» России.

7. Рождение русской Сибири происходило в борьбе с сильными и жестокими врагами. Не пустое пространство, но сферу влияния наиболее могущественных держав эпохи (Джунгарское ханство, империя Цин) присоединила Россия.

8. Успех движения к Великому океану обеспечивался могуществом русского речного флота, искусством деревянного оборонного зодчества, воинскими умениями казаков («сибирских рыцарей»). Но не меньшее значение имело умение первопроходцев заводить друзей. Они шли в Сибирь, откликаясь на просьбы местных народов о защите, опирались на их помощь.

9. Приключения русских первопроходцев были более яркими, чем похождения европейских конкистадоров. По числу заложенных городов они могли бы соперничать

с Александром Македонским, а по числу выигранных сражений – с Юлием Цезарем. Но записок они не писали и своего Тацита у них не оказалось. Сегодня мы можем и должны вернуть имена и дела этих людей в лоно отечественной истории.

10. В имперский период именно Сибирь стала не только хозяйственным фундаментом страны, но и наиболее полным воплощением идеологии «православие – самодержавие – народность», подлинным слиянием Востока и Запада.

11. В Сибири не сложилось того «средостения» между царем и народом, которое в виде «русских европейцев» возникло в европейской части страны. Здесь, за Уралом, мы находим образцы чиновников и купцов, живших не столько своим карманом, сколько во благо общества и государства.

12. Стараниями «русских европейцев» Сибирь была отодвинута на периферию общественной жизни и сознания. Уникальный проект переселения в Сибирь, реализованный во второй половине XIX в. («своекоштное» и «казеннокоштное» переселение), позволивший на десятилетия снизить напряжение от демографического взрыва, остался в тени.

13. Не был осмыслен и уникальный сибирский опыт создания «управляющего каркаса» империи путем создания особых, имперских городов, через которые шла трансляция властного импульса от столицы до самых отдаленных мест.

14. Советское государство, возникшее как антитеза предшествующим политическим формам, в кратчайший период оказалось их преемником и продолжателем.

15. Сибирь советская стала пространством становления новых форм политики и жизни. Именно в период СССР был впервые реализован проект поэтизации Сибири, воплотившей лучшие стороны русской цивилизации.

16. К традиционным для Сибири качествам и характеристикам в эту эпоху добавились высокотехнологичные производства, научные и инженерные школы, центры создания техники для будущего.

17. В период СССР окончательно сложился антропологический тип русского сибиряка, объединившего в себе патриотизм и способность понять другого, умение реализовывать проекты и умение мечтать.

18. В сложные годы после распада Советского Союза Сибирь смогла выстоять. На основе малой, локальной экономики были восстановлены межрегиональные связи. Сегодня начинается восстановление связей в масштабах России.

19. Именно Сибирь дает возможность нашей стране выйти из режима бесконечно догоняющего, определить уникальное место России в будущем миропорядке. Ведь именно сибиряки стремятся жить не как в Европе или как в США, а жить в России.

20. Для того чтобы сибиризация из благого пожелания стала реальностью, стала основой будущего великой России, нужна политическая воля. Ее ждут сибиряки, ее ждет Россия.

21. Сибирь – это пространство формирования особого цивилизационного пространства России и особого антропологического типа – русского человека.

22. Сегодня Сибирь – это не только уникальные природные ландшафты и суровость Севера, но и благоустроенные города с ведущими научными и инженерными школами, развитой социальной и культурной инфраструктурой, возможностью заработка для каждого активного человека.

23. Наша задача – дать понять каждому гражданину России и не только России, что жить в Сибири сегодня модно. Это не наказание, а привилегия россиян – возможность жить в лучшем месте земного шара, русской Сибири.

Сибирь и образы Русского мира

Начать наше изложение, наверное, стоит не с самой очевидной вещи. Одним из ключевых элементов русской культуры был и остается *образ простора, безграничного пространства*⁸. По бескрайним полям и лесам едут или бредут герои былин и сказаний. О беспредельном поле рассказывают народные песни. Образ дороги, расставаний и встреч – важнейшие образы русского искусства, воплощающие дух народа. При этом дорога – это не классическое перемещение из пункта А в пункт Б, это пространство жизни. В ее беспредельности и есть ее смысл.

В европейских представлениях, основывающихся еще на античных традициях осмысления, пространство за пределами городов – это страшно. В городах в страшной тесноте европеец обретал безопасность, избавлялся от ужаса пространства. Ведь там, за городом, живут ужасные Сциллы и Харибды, подстерегают злобные вервольфы, пируют вампиры и прочая нечисть. На Руси пространство иное, гораздо более дружественное, родное. А если и заводится в нем нечто «поганое», то на него всегда отыщется богатырь.

Такому пониманию пространства способствовала хозяйственная организация восточнославянских племен, составивших ядро русского этноса, – подсечно-огневое земледелие с его вечным поиском новых земель⁹. Об этом много писалось в отечественной литературе. Именно этот вид деятельности, по мнению исследователей¹⁰, сформировал особенности национального менталитета, национального восприятия пространства.

На основе именно этого представления о жизни в мире без края выстраивались важнейшие легенды складывающегося русского этноса. Испанцы искали золото, создав мифическую страну Эльдорадо («золотую»), итальянцы искали путь в «страну пряностей». На Руси в эпоху бесконечных войн XIII–XVI вв. появляется несколько важнейших легенд, так или иначе одухотворявших будущий поход «встречь солнцу», легенд о просторе¹¹.

Первая – легенда о стране Беловодье. Той самой стране, где текут молочные реки в кисельных берегах, где земля всегда плодоносит, где жизнь нетороплива и привольна, а страна просторна до самых последних пределов. На поиски этой страны шли в Сибирь первые отряды казаков, крестьян и гулящих людей.

---

⁸ Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. – М.: Наука, 1993.

⁹ Вахитов Р. Р. Кочевые черты в характере русских в сфере духа и в материальном производстве // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 257–267.

¹⁰ Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

¹¹ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. – М., 1977. – С. 219–225.

Конечно, присутствовала в этих походах и экономическая составляющая – как сейчас модно говорить, факторы выталкивания: усиление крепостного права, угроза нашествий с запада и юга, неурядицы между русскими князьями. Но без мечты, без легенды русские отряды едва ли смогли бы менее чем за столетие преодолеть невероятные пространства Северной Евразии, привести «под высокую государеву руку» сотни народов. Люди шли за мечтой. И мечта эта была в Сибири.

Была и другая *легенда-мечта* – о *справедливом правителе*. Кто правит в стране Беловодье? Кто сидит в незримом граде Китеже? Конечно, это особый царь, которого кличут *царь-поп Иван*, пресвитер Иоанн европейских легенд. Нам сейчас не особенно важно, как и когда возникла легенда о добродетельном правителе где-то там, в неизвестных землях. Неважно даже то, что в официальных летописях царь-поп Иван правил в Индии¹², а в народных – на востоке, за Уралом. Для нас важнее, что здесь зафиксирован ключевой образ власти в глазах народа.

Для европейских писаний пресвитер Иоанн – это могучий военный союзник в борьбе с мусульманами, выдавливающими христиан с Востока, сила, которая поможет им овладеть дорогой пряностей, станет путем к богатству¹³. Его нужно найти, заключить с ним союз, возможно, оплатить этот союз. Ведь бесплатно ничего не бывает. Это знает любой житель субконтинента. В поисках царства пресвитера Иоанна отправлялись Васко да Гама и Марко Поло, Людовико ди Вартема и Иоганн Грюбер. Представители разных народов шли с одной целью – найти дорогу к богатству и власти.

Для зарождающейся Руси царь-поп Иван был прежде всего защитником и дарителем. Он не отбирал, но жаловал. Не случайно возник обычай одаривать новых подданных – татарских ли князей, польских ли – «шубой с царского плеча».

Здесь коренится важнейшее отличие ожиданий от власти на Руси и за ее пределами, связанное с разными типами хозяйства, которые и порождают разные типы культуры. В перенаселенной Европе еще со времен римского владычества власть имела важнейший *хозяйственный* смысл. Именно власть в условиях *нехватки земли* организовывала работы по мелиорации, севообороту, многочисленные мероприятия по улучшению почвы. Она же защищала результаты этих усилий. Защищала не людей (их много, побьют этих, придут другие), но окультуренную землю. За это власть изымала часть произведенного подданными продукта, оставляя подданным что-то на прожитие (или не оставляя, если так сложились обстоятельства¹⁴).

---

¹² Бобров А.Г. Сказания о восточных странах и Кирилло-Белозерский монастырь // Труды отдела древнерусской литературы. – 2019. – Т. 66. – С. 110–134.

¹³ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна». – М.: Наука. 1970.

¹⁴ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

На Руси княжеский мир и мир крестьянский изначально ели с разных столов. Выше упоминалось о подсечно-огневом земледелии. В умных учебниках описано, насколько это был тяжелый труд. Безусловно, выжигать участок, корчевать пни, пахать, собирать урожай (года два-три он невероятный), а потом искать новый подходящий участок, обходя десятки верст округи, гораздо труднее, чем кликать компьютерной мышью или писать настоящий доклад. Но это бесконечно более легкий и производительный труд, нежели европейское окультуривание вечно недостающей земли, борьба с болотами, возведение террас. Крестьянский мир не попадал в летописи, не фиксировался путешественниками, едущими от города к городу. Это был, по точному определению Т. Шанина, «молчащий народ». О его чаяниях мы узнаем только из сказаний и легенд, а само его существование фиксируется более археологическими находками, нежели документами.

Княжеский мир контролировал великий торговый путь «из варяг в греки». Это была его материальная основа. Именно на торговых путях (реках) стояли княжие города. Их и видели путешественники. Потому-то Русь и была в их глазах Гардарикой, страной крепостей-городов. Как показывают современные исследования, серебра на этом торговом пути было более чем достаточно. Серебром охотно платили купцы за безопасность, которую и обеспечивал им князь. На это серебро (свои серебряные рудники появятся в России только в XVII в.) строились города, заводилась и вооружалась дружина.

Конечно, какую-то дань крестьянский мир платил княжескому. Вместе они выступали и при набегах лихих соседей. Однако дань эта, как показали современные исследователи¹⁵, была не столько формой изъятия, сколько указанием на старшинство: младший дает дань старшему, признавая его силу и первенство. Не богатства ради, но порядка для. Причем платит «младший» потому, что уважает, рассчитывает на защиту и помощь в трудной ситуации. А такая ситуация вполне возможна.

Да, подсечно-огневое земледелие, как и кочевое животноводство, гораздо менее трудозатратны, чем мелиоративное земледелие, но и больше зависят от колебаний климата, стихийных бедствий и т.д. И здесь князь становится спасителем. Точнее, должен стать. В противном случае теряется «уважение», дань начинает платиться иному защитнику. История знает массу таких примеров. Так, от хазар, утративших *уважение*, уходят на Волгу булгары, а в Пушту откочевывают венгры.

Не случайно попытка незадачливого князя Игоря совершить «изъятие», нарушить договор не только приводит к конфликту, но и попадает в летопись как факт необычный,

---

¹⁵ Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Дайк-пресс, 2007.

редкий, о котором помнят. Да и сам князь Игорь оказывается персонажем отнюдь не положительным, пытающимся взять чужое. Ведь могущество князя, что видно и из самого сказания, коренится не в его возможностях *отобрать*, но в возможности *раздать* как можно больше благ максимальному кругу людей.

В князе с его главным ресурсом – дорогой «из варяг в греки», видели не столько внешнюю силу, сколько заступника, а сам его ресурс – не источник личного богатства, но возможность для защиты «мира». Но эпоха Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха сменяется десятилетиями усобиц, завершившихся вхождением русских княжеств в систему монгольской империи. Князь уже не являлся защитой, а потому (с точки зрения «мира») был не совсем князем. В XIII–XIV столетиях Русь в качестве союзницы (одного из ханств в пространстве Великого ханства) Золотой Орды оказывается втянута в десятки войн, усиливаются и конфликты между князьями за ярлык Великого княжения, за место в иерархии гигантской кочевой империи. Спокойствие лесных просторов то и дело сменяется войнами, смертями, разорением.

Может быть, именно потому малая приграничная крепость Москва смогла сначала стать столицей сильного княжества, а потом наследницей Золотой Орды и всей державы «потрясателя Вселенной» Чингисхана, что в московских князьях люди увидели защитника, земной образ царя-попа Ивана. Конечно, любая легенда – это не фиксация реальности, но уровень воздействия легенды на реальность трудно переоценить. Салонные остроусловы Вольтер, Дидро и К° некогда придумали «мир, построенный на разуме». Этот «прекрасный мир мечты» заставлял лучшие умы европейского субконтинента бежать за собой, пытаться привести реальность в соответствие с мифом.

На Руси, еще не ставшей Россией, образ *царя-ответчика за народ перед Богом, образ царя-защитника от врагов* так или иначе воздействовал и на население, формировал ожидания от власти, и на саму власть, стремящуюся походить на легендарный облик царя-попа, легитимизируя этой легендой свои действия.

В «Сказании о князьях Владимирских» именно такой облик царя получает завершенное оформление¹⁶. Здесь появляется удивительный образ – Остров Россия. По намекам, содержащимся в сказании, Страшный суд – это не будущее, но прошлое мира. Он уже произошел. И Остров Россия – это спасшаяся после Страшного суда часть мира. Вокруг России (Московского царства) морок, рожденный Сатаной. Царь здесь одновременно ответчик за народ перед Господом и защитник от внешних, идущих от морока, происков нечистого. Этого ждет от царя народ, на это нацелен и сам царь. Отсюда и особый (диаконовский) статус русского царя, объединяющий земной и небесный миры. Если же

---

¹⁶ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007.

ожидания не оправдывались, то царь оказывался ненастоящим, самозванцем. О феномене русского самозванчества писалось уже множество раз самыми авторитетными мыслителями¹⁷. Мы же отметим, что речь здесь идет далеко не всегда о попытке узурпации власти. Часто царь, с европейской точки зрения вполне легитимный (скажем, Борис Годунов), не мог соответствовать искомому образу ответчика и заступника. Потому оказывался самозванцем.

«Причем же здесь Сибирь?» – спросит внимательный читатель. Дело в том, что в период монгольского владычества право на Великое княжение легитимизировалось ярлыком Великого хана. Но уже при Иване III Русь сама занимает положение Золотой Орды, главной силы региона, постепенно присоединяя бывшие территории Великого ханства. Теперь, для того чтобы быть царем-заступником и ответчиком, московскому владыке недостаточно ярлыка и даже «небесного мандата». Нужна армия, причем армия победоносная, способная защитить Русь от все более множасьихся врагов. И здесь, накануне сибирских походов, власть оказалась в совсем непростой ситуации.

Чтобы осмыслить ее, стоит вспомнить о самой привычной – хозяйственной – роли Сибири. Вот только попробуем перенести эту роль из привычной придаточной части в главную часть высказывания. Так сложилось, что в самом начале эпохи Нового времени Западная Европа создала то, что обеспечило ей лидерство на целые столетия, – регулярную армию, уже почти забытую за долгое Средневековье. Те самые презираемые пешцы (пехота), вооруженные «огненным боем», освоившие перестроения и «стрельбу плутонгами», пушным боем, воцарились на поле боя¹⁸.

Но большое, а порой огромное число молодых мужчин, занимающихся войной, не производящих, но потребляющих, – это очень дорого. Собственно, современная экономика, возникшая в странах Западной Европы чуть ранее, и позволила содержать это эффективное, но крайне дорогое оружие. Однако позволило не всем. Иметь эффективную армию жаждали все владыки, успевшие познакомиться с этой новацией. От шведских скал до гор Каппадокии и дворцов Стамбула правители срочно обзаводились профессиональными воинами, которым именно они платили жалование. Только вот создать материальную базу для этого получалось у меньшинства. В первую очередь у колониальных империй. Россия такой не была. Но сибирские ресурсы позволили ей содержать мощную армию.

Не только порох, но и пушки были изобретены в Китае. Благодаря лучшей военной организации Европа/Запад на тысячелетие завоевали военное превосходство, позволившее начать колониальную военную экспансию, продвигая свою культуру, политические

---

¹⁷ Низовский А.Ю. Самозванцы на Руси. – М.: Вече, 2006.

¹⁸ Агапеев А.П. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств. – СПб, 1902.

порядки, выкачивая гигантскую ренту из колоний/полуколоний, попросту грабя почти весь остальной мир (кроме России). Эта и есть главная основа благосостояния субконтинента, его успехов в науке, технике, искусствах. В последние десятилетия СССР/Россия, стремясь обеспечить свою безопасность, подорвала ядерным паритетом возможности выкачивать эту ренту¹⁹.

Без эксплуатации остального мира создать материальную основу можно было, лишь столь же бесчеловечно эксплуатируя собственных подданных. Так возникали «пороховые империи», державы, резко и стремительно поднявшиеся к вершинам могущества, используя огненный бой и артиллерию, и так же стремительно превратившиеся в «европейских больных», объектов, а не субъектов большой политики. Традиционно этим термином обозначают именно исламские державы Ближнего и Среднего Востока²⁰, но перечень этот можно продолжить далеко за пределы этих регионов. Испанская империя, Речь Посполитая, держава Османов – каждая из них вкусила сладость господства, но рухнула, не выдержав тяжести содержания регулярной армии. Возможно, такая судьба ждала и Московское царство, территория которого уже охватывала – за малым исключением – земли рухнувшей Золотой Орды.

Ведь первые московские владыки в статусе царей пытались содержать армию так же, как их коллеги в Блистательной Порте или в Пекине, – приписывали к Стрелецкому приказу (стрельцы и есть первая русская регулярная армия) деревеньки²¹. Собственно, прикрепление к земле на Руси было связано не столько с ее недостатком или опасением, что крестьяне уйдут к иному хозяину, но с тем, что они просто уйдут на привычные «пустые земли», которых было в достатке вплоть до последних столетий, займутся вновь подсечно-огневым земледелием. В этом случае их очень трудно, почти невозможно контролировать. Потому и стремились «закрепить» их на месте. Но это не просто ухудшало материальное положение крестьян и делало намного тяжелее их труд, но и лишало их ключевого архетипа – простора, превращая в какой-то иной народ, с иной культурой, более сходный с поляками, нежели с русскими.

Выходило... не очень. Это в Европе крестьянину бежать особо некуда. Разве только в разбойники податься. Или, сменив веру, бежать в гостеприимную Османскую державу. Но на то, чтобы стать ренегатом, готовы были далеко не все. Да и туркам нужны были умелые мастеровые, богатые купцы с капиталами, опытные мореходы, а отнюдь не крестьяне. А у разбойников жизнь веселая, но короткая. Кончалась она чаще на виселице или в стычке.

---

¹⁹ Подробнее см.: Караганов С.А. Уход военного превосходства Запада и геоэкономика // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 8–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02>

²⁰ Streusand D.E. *Islamic Gunpowder Empires: Ottomans, Safavids, and Mughals*. – Routledge, 2018.

²¹ Романов М.Ю. *Стрельцы московские*. – М., 2004.

В России же с ее просторами воля начиналась сразу за околицей и шла «до последних пределов». Из закрепощенных деревенок уходили крестьяне в Юрьев день, бежали в другое время. Тяжко было жить в этих деревеньках. Главное – неправильно там было жить, не вольно, не просторно. Потому и уходили хлебопашцы. И уходили они вслед за мечтой – мечтой о стране Беловодье. Мечта о дивной стране, где жизнь вольна и изобильна, вела русских людей «встречь солнцу» через таежные сопки, мари и топи.

Попытки же их остановить вызывали восстания. Ведь царь – это не тот, кто отбирает и запирает, но тот, кто защищает и жалуется. Значит, от царя приказ о закрепощении идти не мог, не мог царь-заступник запретить искать счастье и простор, искать страну Беловодье. Потому уходить от дурной жизни правильно. В результате поля оставались необработанными, а воины вместо боевого искусства занимались своими лавками и мастерскими, чтобы просто прокормиться.

Но судьба подарила Московскому царству Сибирь, тем самым сделав его Россией. Там, в незнаемых землях, в изобилии водился ценный пушной зверь. Меха издавна были одним из основных предметов русского экспорта. Еще со времен Великого Новгорода русские охотники добывали «мягкую рухлядь», поставляя ее на рынки Византии, Европы и Персии²². Позже к результатам охоты добавился ясак (дань, получаемая от подвластных народов). Со времен Ермака походы в Сибирь, бегство в Сибирь, отходничество в Сибирь становятся крайне распространенным явлением. Ведь там вновь появлялись важнейшие качества, необходимые русскому человеку для счастья, – простор и воля, там он *становился самим собой*.

Сибирь привлекала людей, манила и надеждой на быстрый заработок. Ведь за шкурку соболя охотнику платили до 7 рублей. Огромные деньги. 3–5 рублей денежного довольствия в год получали стрельцы. Только вот в Архангельске, главном на тот момент порту страны, эта же шкурка стоила уже 60 рублей. А на ярмарке русских мехов в Лейпциге цена соболя доходила до 400 талеров, из которых потом и чеканились рубли²³. Эта разница и позволяла России найти свой путь к величию без эксплуатации собственных подданных и колониальных владений.

Причем меха эти не «изымались». Они изначально были «делом государевым». Именно так и определялось богатство, шедшее из Сибири на Русь. Добытчикам за них платили щедро. Конечно, находились и непоседливые люди, стремящиеся присвоить то, что принадлежало государю. Сибирь большая, у каждой версты часового и таможенного целовальника не поставишь. Однако сама перевозка вставала в такую цену,

---

²² Гончарова О. В. Особенности пушного экспорта Великого Новгорода в период XIII–XV вв. // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 1. – С. 36–39.

²³ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII век – февраль 1917 г.) / Под редакцией А.И. Крушанова. – М.: Наука, 1991.

что выгоднее было вернуть государству хитро спрятанное. Государство же организовывало караваны, доставлявшие «мягкую рухлядь» до рынков. По бескрайним сибирским рекам шли корабли с ценным товаром до Тобольска, по немногочисленным трактам следовали караваны в столицу, в Нижний Новгород, в Архангельск. Государевы гости, доверенные купцы обеспечивали их сбыт, закупку всего нужного не только государю, но и тем самым сибирским добытчикам. А люди шли все дальше и дальше «встречь солнцу». Уже за спиной Западная и Восточная Сибирь, и далее до Великого океана. На бескрайних просторах по рекам-дорогам возводились остроги, позже ставшие городами, обживалась Сибирь.

Позже к мехам добавились чай, шелк, фарфор и специи из Китая, забайкальское серебро, медь и амурское золото. Несметные богатства текли из Сибири. Но богатства эти были особые. До Каменного пояса (Урала) налоги (дань) изымали. По крайней мере, стремились это делать. Изымали жестоко. За недоимки наказывали плетью и тюрьмой. Народ, не привычный к таким строгостям, роптал, а наиболее смелые поднимались на восстания или просто бежали на окраины, подальше от власти. Нечто подобное происходило в Османской империи, в Речи Посполитой, в других пороховых империях. Оно и подорвало их могущество. В Сибири все было иначе.

Русские переселенцы бежали от «крепости» и тесноты, шли в «незнаемые земли», за простором, за волей. При этом (и это важно) *бежали они отнюдь не от государя-защитника, но от злобного помещика или управителя, оставались и осознавали себя «людьми государевыми»*. Они добывали продукт для государя или получали его в обмен на защиту («ясак»).

Первопроходцы, а точнее, покорители Сибири противостояли неизвестным и часто агрессивным народам на их землях, вступали в союзы и сражения, о которых не писали победные реляции brave воеводы, где чаще всего они были в меньшинстве. Потому для них крайне важно было быть не просто беглецами или переселенцами, но проводниками и представителями некой грозной силы, под руку которой они и приводили «немирные народы». Уже в первые десятилетия у русских переселенцев формировалось особое *«оборонное сознание»*, сознание защитника вновь обретенной, но ставшей родной русской земли. Суть его проста. *Не так важно, чем именно ты занимаешься – водишь караваны, охраняешь и закладываешь новые остроги, пашешь землю или управляешь промыслами: ты защищаешь страну, ее границы. А защитником над защитниками и стоит царь.*

Не случайно, оказавшись под угрозой удара со стороны регулярных («знаменных») войск империи Цин, Ерофей Хабаров просит помощи не у своего покровителя якутского

воеводы Дмитрия Францбекова, но у царя-заступника ²⁴. Более того, такая помощь готовилась. Шесть полков предполагалось двинуть на защиту «замиреной даурской земли». Но придворные интриги перенаправили эту армию под Смоленск, а самого «приказного даурской земли» привели на государев суд (впрочем, его оправдавший).

Многие из «открывателей Сибири» и были «государевыми людьми»: воеводы и целовальники, «поверстанные казаки», выполнявшие в неизвестных землях роль дружины, рыцарства, «пашенные крестьяне», бывшие отнюдь не смердами, но предпринимателями, обеспечивающими возделывание «государевой пашни». Эти и многие другие категории жителей Сибири получали денежное и зерновое довольствие из далекой столицы, обеспечивали сбор ясака и его доставку до Тобольска, столицы Сибири, и далее, до Москвы. Но даже те, кто непосредственно не принадлежал к числу «государевых людей», – всевозможные неповерстанные казаки, подказначники, бобыли, покрученники, своеуженники и прочие «охочие люди» – были в государстве остро заинтересованы.

Сибирь – земля непростая. В новых острогах многого не хватало. Соль и зерно поставлялись в города и остроги в виде «сибирских отпусков», идущих «с Руси». Не случайно сибирская кухня использует так мало теста, стараясь заменить его местными кореньями и дикоросами. Уж больно мука выходила дорогой. Ткани и выделанная кожа на сапоги (лапти в Сибири не носили никогда) тоже часто доставлялись из-за Уральского Каменного пояса. Много поставляло далекое государство в Сибирь, но главное – именно оттуда шли ружья и порох, топоры (сабли были редкостью и больше показателем статуса, чем оружием) и сельскохозяйственные инструменты, позволяющие пахать не только государеву, но и «собинную» (собственную) пашню. Понятно, что все это раздавалось отнюдь не бесплатно. Чтобы получить эти блага, необходимо было вспахать и засеять «государеву пашню» и, главное, поставить пушного зверя. И пушнина шла.

Не случайно исследователи отмечали, что ясак, дань, взимаемая с покоренных народов той же пушнинной, составляла менее половины пушнины, поступавшей в государеву казну²⁵. По сути, государство для населения Сибири эпохи освоения было не столько далекой и враждебной властью, какой оно оказалось в конце концов во всех «пороховых империях», но важнейшим и желанным торговым партнером, который один только и делал их промысел крайне доходным и выгодным.

---

²⁴ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – М.: Просвещение, 1991.

²⁵ Пузанов В.Д. Доходы Русского государства от сибирской пушнины в XVII в. // Вопросы истории. – 2018. – № 1. – С. 70–81.

Государство-партнер не только предоставляло русским сибирякам все необходимое для успешного выживания и обустройства на новых землях, но и давало возможность защитить себя, одновременно, прикрывая фронт Государства Российского. Иными словами, именно здесь власть, государь соответствовал идеалу государя-заступника более, чем где-либо. Он не «изымал», как его европейские (да и не только европейские) коллеги, но по традиции Северной Евразии раздавал блага своим подданным в зависимости от того, насколько значимыми были они для государства.

Но не только источником материальных благ оказывался государев раздаток. В условиях восстановившегося в Сибири простора и приволья даже небольшая община вполне могла себя обеспечить. Обширные земли, богатый зверьем лес, а реки – рыбой давали такую возможность. А вот защитить себя малая община могла далеко не всегда, как не всегда могла противостоять капризам сурового климата. Здесь и возникала острейшая потребность в объединении. Только в единстве был возможен отпор врагу и в Азии, все более становящейся «внутренней Азией», и в Европе, которая никак не могла смириться с тем, что Россия не взрывается, не разделяет судьбу иных «пороховых империй» и «европейских больных», не становится объектом грабежа.

Основой единства становилось государство, персонифицированное в фигуре властителя. Но властитель этот особый: тот, кто стремится быть царем-попом Иваном, не тираном, но ответчиком перед Богом и заступником за народ. *Политика в России не столько «обслуживает» тот или иной класс, группу, сколько создает сам мир людей, является базовой формой бытия.* Без нее страна и народ просто исчезают, распадаются на малые частицы, легко поглощаемые соседями.

В пространстве такого неслиянного единства возникают и *два хозяйственных уклада – основы устойчивости системы.* Один (малый, локальный) ориентирован на самообеспечение местного сообщества. Это умелые мастеровые, торговцы, промышленные люди, охотники и рыболовы при острогах и городках. На фоне государственных затрат и задач их промысел почти не виден. Зато во все времена он дает возможность этому сообществу (семье, деревне, городку) выжить, позволяет обеспечить себя. Другой (большой, значимый, ориентированный на внешний рынок) хозяйственный уклад обеспечивает решение государственных задач: становление пространства страны и народа, дорог и острогов, застав и городов на волоках, обеспечение существования страны как единого целого, обеспечение защиты и безопасности, помощь тем, кто попал в сложную ситуацию.

Конечно, эти два уклада не жили изолированно друг от друга. В годы, когда большое (государственное) хозяйство идет на подъем, его доходы не только позволяют решать государевы задачи – от развития инноваций, транспортной и финансовой

инфраструктуры до обороны и производства порядка, – но и активно перетекают в малый уклад, повышают уровень жизни людей. Ведь именно из большого хозяйства шли деньги на закупку пушнины у охотников, на приобретение с последующей раздачей зерна на илимских и ленских пашнях, доставку «сибирских казенных отпусков» до самых дальних острогов и т.д.

В трудные для государства годы не раз случалось очередное «чудо». Точнее, чудом оно было только в глазах западных аналитиков. Почти невидимый для статистики малый и локальный хозяйственный уклад начинал делиться с большим хозяйством, помогать государевой казне решать проблемы, в решении которых он сам заинтересован кровно. Так, на средства «мира» была собрана армия, освободившая Москву от интервентов в 1612 г., построен на добровольные пожертвования россиян флот (Доброфлот) в трудные для страны 80-е гг. XIX в.²⁶. Во время Великой Отечественной войны многое из того, что шло на фронт, было добровольным пожертвованием из Тувы, Бурятии, других регионов. Да и сегодня число несбывшихся прогнозов о хозяйственном крахе России уже перевалило за сотню. Именно в Сибири в первую очередь сложился этот симбиоз, когда большое (государственное, видимое) и маленькое (домашнее, неформальное, живущее мимо статистики) хозяйства помогают друг другу, усиливают друг друга.

Наличие сибирских богатств отчасти сказывалось и на жизни крестьян в европейской части страны. Государственные крестьяне (а именно они составляли большинство) меньше эксплуатировались²⁷. Слишком усердное выбивание из них дополнительного дохода могло привести к их «уходу» в Сибирь. Да и просто в этом не было необходимости. Ведь доходы шли, причем доходы особые, изначально принадлежащие государю.

Существовали ли те ужасы крепостничества, о которых писали классики литературы? Безусловно, да. Вот только касались они частных зависимых людей, которых было существенно меньше, чем государевых (казенных). Да и тираническими склонностями, как ни странно, отличались чаще «европейски образованные» помещики. Достаточно вспомнить «Современную песню» Дениса Давыдова («А глядишь: наш Мирабо / Старого Гаврило / За измятое жабо / Хлещет в ус да в рыло»).

И совсем не было этой напасти в Сибири. На гигантском пространстве «внутренней Азии» не возникло того «средостения» (помехи, препятствия) между властью и народом (помещиков-западников, чиновников-«европейцев»), о котором печалился писатель-славянофил И.С. Аксаков. Понятно, что само «средостение» появилось не вдруг.

---

²⁶ Яровой В.В. Краткий очерк истории Добровольного флота // Гангут. – 1992. – Вып. 3. – С. 71–85.

²⁷ Котов П.П. Уровень подушной и оброчной податей в удельной деревне европейского Севера России по законодательным источникам // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. – 2020. – С. 19–26.

Некогда, на заре превращения Московского царства в Россию, власти приходилось решать сложнейшую политико-теологическую проблему. Если мир вокруг Острова России – это морок, дьявольский соблазн, то взаимодействовать с ним – значит поддаться этому соблазну. С другой стороны, из морока, из Европы в полки солдатского строя приходят офицеры, ружья, приходят науки, искусство мореходства и многое другое. Да и меха меняются на необходимое для Руси там, в Европе. Здесь и возникает сложнейшее противоречие. Без взаимодействия с Европой Остров Россия просто не устоит, не сможет сохранить себя физически, но взаимодействие (торговля, политические и прочие контакты) ставит под угрозу главное – трансцендентальное, божественное измерение Руси. В конечном итоге ее суверенитет, выражаясь современным языком.

Для решения этой проблемы и был создан слой «русских европейцев», карнавальным, перевернутый мир «европейского» чиновничества, маска, неподлинность, с помощью которой Россия обеспечивала контакты с Европой, не ставя под угрозу трансцендентальное «тело» страны и дух народа. Первоначально это были *наиболее доверенные и преданные люди*, прекрасно осознающие карнавальность и трансцендентальный смысл своих действий²⁸. Но постепенно круг «европейцев» расширялся, особенно в эпоху «веселых цариц». *Из «круга верных» он превращался в сонмище случайных людей.* «Европейская» аристократия, переставшая говорить на русском языке, проникавшие во все поры общества «европейские» разночинцы, все более становившиеся основой управления, «европейские» интеллектуалы, постоянно критикующие власть, но по непонятным причинам попадающие в своей критике не во власть, а в Россию.

Эти люди оказались между властью (монархом, ответчиком за народ перед Богом) и миром (обществом). Их усилиями идея воли была подменена европейской «свободой», а идея справедливости – идеей равенства перед законом. Их-то Аксаков – и не только он – и считал «средостением», препятствием в осуществлении духа народа. Они – тень подлинной Руси, но, как в знаменитой пьесе Евгения Шварца, эта тень пыталась – и безуспешно – стать хозяином человека, пока тот не нашел в себе силы воскликнуть: «Тень, знай свое место!»

Некоторое время назад модной темой для обсуждений в кругах «интеллектуалов» было сырьевое проклятье России. Дескать, России «даром» достались богатства Сибири, потому здесь не развились привычные для Западной Европы («нормальные», по мнению обсуждающих) индустриальные блоки и прочие вкусы европейской жизни. Но приглядимся внимательнее. В условиях малолюдья, когда маленькая Франция обладала большим населением, нежели гигантская, уже простирающаяся до океанских пределов Россия, индустриальные производства просто нерентабельны.

---

²⁸ Оболонский А.В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 63–76.

Внутренний рынок слишком мал, а транспортные издержки делали работу на внешние рынки неконкурентоспособной. В этих условиях богатства Сибири, не только меха, но и серебро, золото, уголь, нефть, газ и т.д., были не «сырьевым проклятьем», а сырьевым спасением страны. И совсем не «бесплатным».

Чтобы добытое в Сибири превратилось в богатство страны, в возможности государства, оно должно попасть на рынки тех стран, где это сырье востребовано. Соответственно, должны быть налажены транспортные пути, перевалочные центры, торговые представительства. Дома все это только продукт, причем не особенно востребованный. Да, меха использовались и в России. Только от общего объема добычи их «внутренняя востребованность» составляла совсем незначительную долю²⁹. Товаром он становится, только пересекая границу. Именно здесь его цена возрастает многократно, превращается в ресурс развития страны и общества. Но это движение от продукта к товару и далее назад, к ресурсу, организует государство. Оно не изымает через налоги или дань прибавочный продукт у населения, но создает его, превращая продукт в ресурс и блага, распределяя впоследствии эти блага, исходя из государственной надобности и роли человека или структуры в его создании, превращении в ресурс.

В отличие от политических образований Западной Европы российская власть не изымала, но раздавала и распределяла блага среди населения. Именно эта черта стала фундаментальным отличием формирования политического пространства страны. Политическая структура не обслуживала экономику страны, но создавала ее, да и саму страну. Ведь малолюдье – не случайно возникшее в последние годы обстоятельство, но фундаментальная особенность пространства Северной Евразии, территории великих империй, завязанная на климат, ландшафт, создавшая особый тип культуры и цивилизации, особый тип личности человека.

Возможность именно такого развития России напрямую связана с Сибирью. И это не только про хозяйство. Точнее, совсем не про хозяйство. Походы в Сибирь – это уникальная и, к несчастью, почти выпавшая из российского общественного дискурса история, по сложности и яркости превосходящая приключения испанцев, португальцев и англичан в Новом Свете, да и многие события европейской части русской истории.

---

²⁹ Савченко А.Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2015. – № 2. – С. 7–18.

Сибирский свет русской истории

Одним из самых нелепых утверждений современных публицистов является фраза о Сибири, которую Россия получила «в подарок», просто выиграла миллион по трамвайному билету. Сибирь была отвоевана в жестоких схватках с сильным и жестким противником, точнее, со многими противниками, контролировавшими разные территории будущей русской Азии.

Сибирское ханство, Тюменский юрт был на тот момент самостоятельной державой. Хотя и платило Сибирское ханство и обещало платить дань гегемону – московскому царю, но гораздо более тесно было связано со среднеазиатской державой чингизида Шейбани-хана³⁰.

Гигантское пространство от Алтая до Байкала и Монголии контролировали ойраты, владыки Джунгарского ханства³¹. Совсем не безвластным было пространство, населенное *якутами*³². Достаточно развитую политику, хотя и не породившую единое государство, обнаруживают исследователи у *хакасов, бурятов (братов), дауров, дючеров, бираров, хамниганов* и других народов Восточной Сибири, Забайкалья и Приамурья³³. Стоит отметить, что под властью Тюменского юрта, Джунгарского ханства и иных агрессивных политий Центральной Азии находились коренные народы Сибири. И, естественно, огромная Поднебесная империя так или иначе давила на тунгусский мир Северо-Восточной Азии³⁴. Русские первопроходцы не просто вторгались в пространства Северной Евразии, но шли на призыв этих народов, вставали на их защиту. Попробуем максимально крупными штрихами обозначить вехи превращения Сибири в русскую землю.

Традиция начинает отсчет русской Азии с похода Ермака (1581–1585), который хоть и оказался неудачным, но проложил дорогу новым отрядам. Исторически это не совсем верно. Еще в эпоху вольного Великого Новгорода русские люди знали путь в Сибирь и по воде, и по земле. Среди первых сибиряков нужно числить и великого благоверного князя Александра Невского, а также его отца Ярослава Всеволодовича. Они путешествовали через нынешнюю Южную Сибирь в столицу монголов Каракорум. Примечательно, что во время длительного пребывания в Каракоруме Александра Невского там же находился Кублай-хан, вошедший в европейскую историю через рассказы Марко Поло как Хубилай. Они наверняка встречались. Через несколько лет Кублай-хан становится Великим Ханом, объединившим Китай, одним из самых ярких представителей династии

³⁰ Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Вопросы археологии Урала. Вып. 22. – 1993. – С. 234–236.

³¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. М., 1983.

³² Парфенова О.А., Саввин М.В. Общественный строй якутов в Средневековье. Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Общественные науки». 2022(2): 21–33.

³³ Цыбенков Б.Д. Из истории даурского народа в XVII в. // Власть. – 2017. – № 2. – С. 137–142.

³⁴ Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987.

Юань. Может быть, именно с визитов Ярослава Всеволодовича и Александра Невского стоит вести отсчет российско-китайским отношениям. В эпоху становящегося Московского царства богатства Урала и частично Сибири были известны. Но это были именно хозяйственные предприятия на окраине. Только поход Ермака дал старт невероятному движению русских отрядов вплоть до Великого океана. Путь совсем не легкий. Уже после гибели Ермака и возвращения «за Камень» его отрядов воевода Иван Мансуров выдерживает множество осад, зимую в «граде на Оби в устье Иртыша».

И только крупное войско Данилы Чулкова смогло окончательно присоединить Сибирское ханство, поставив города Тобольск и Тюмень в 1587 г. Пожалуй, присоединение к России Сибирского ханства было последним актом, осмысленным как политическое событие. Ведь Сибирское ханство (Тюменский юрт) было частью политического пространства Золотой Орды, которую наследовала Московская Русь. Дальше, судя по учебникам, да и не только по учебникам, шло исключительно «освоение пустого пространства». Но так ли это?

В самом начале XVII в. начинается долгое и напряженное противостояние русских отрядов с енисейскими кыргызами. Местные народы «принесли шерть» (клятву верности) московскому государю с просьбой о защите от набегов кочевых племен. Еще один источник «оборонного сознания» жителя Сибири. Он часто шел сюда именно затем, чтобы защищать. С этой целью на территории давших шерть народов был поставлен острог и город Томск (1604 г.). Енисейские кыргызы, некогда создавшие огромную кочевую империю, к описываемым событиям представляли собой все еще сильную орду (объединение), насчитывающую несколько десятков тысяч воинов. В 1614 г. эта сила обрушивается на русскую крепость. Крепость выстояла. Кыргызы обязались более на русские земли походом не ходить. Но уже через три года набег возобновляется.

Ведь кыргызская орда не была самостоятельной политией, а представляла в регионе гораздо более грозную силу – гигантскую державу ойратов (Джунгарское ханство), простиравшуюся от Байкала на севере до Ферганы и Тибета на юге, от будущего Восточного Казахстана на западе до Халх-Монголии на востоке. Ойраты стремились к гегемонии в регионе. Причем стремились вполне успешно, громя китайские армии династии Мин, ставя в зависимость от себя народы Халх-Монголии, племена Сибири, Великой степи и среднеазиатских владык.

Кыргызы были данниками ойратов, их представителями в регионе. Появление в Сибири новой силы категорически не устраивало властителей Джунгарской империи ойратов. Потому и продолжались войны, завершившиеся только к исходу столетия. Кстати, в одном из сражений русским отрядом командовал предок лицейского друга А.С. Пушкина Пущин. Да и отец великого Суворова отметился в «джунгарских войнах».

Противостояние с этим последним кочевым осколком империи Чингисхана составляло значительную часть содержания сибирской русской истории. Причем именно военно-политической истории. Ведь и Джунгарское ханство не существовало в безвоздушном пространстве. Оно вступало во взаимодействие, более конфликтное, нежели иное, с китайской империей и монгольскими ханствами, сибирскими и алтайскими народами, среднеазиатскими ханствами, жителями Дешт-и-Кипчак (Великой степи за Каспием) и державой Великих Моголов, одной из «пороховых империй». В это политическое пространство и вторгается новая сила – Россия. Вспомним, что именно как защитницу от жестокой власти Джунгарской империи ее призывают жители Восточной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья, прибывая ко двору русского государя.

Долгие десятилетия основным направлением движения русских людей было движение «встречь солнцу», на Восток. Первый русский порт на Тихом океане, Охотск, был поставлен еще в 1639 г. отрядом казаков под командованием атамана Ивана Москвитина. Но с середины столетия направление движения русских отрядов изменилось. К восточному направлению добавилось южное.

Шла Россия на Юг, в Забайкалье и Приамурье, с вполне определенной целью. Русское государство в качестве основного поставщика пушнины на европейские рынки к XVII столетию оказалось потеснено англичанами, начавшими массовые поставки данного товара из Северной Америки. Цены на пушнину падали, а ведь именно на доходы от нее выстраивалась новая армия страны, новое великое государство. Было принято решение установить контакты с Китаем («Нанкинским царством»), чтобы, используя сухопутный коридор, выйти с китайскими товарами на европейские рынки. Восточные воеводы от Томска до Якутска по государеву указу принялись искать путь к китайским богатствам.

После катастрофически неудачного похода якутского письменного головы Василия Пояркова и сравнительно удачных походов в Забайкалье и Прибайкалье Максима Перфильева и Ивана Галкина с благословения воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова был организован поход под командованием Ерофея (Ярко) Святицкого (Хабаров тож). На этот раз поход был успешен. Хабаров смог перетянуть на свою сторону солонов, бираров и хамниганов, традиционных противников дауров и дючеров. В трех битвах войска дауров были разбиты, а оставшиеся даурские князья или бежали, или принесли шерсть русскому царю. Впервые на тот момент в сибирских списках, в перечне «дани с даурския землицы» появляется серебро в монетах и слитках, баснословно дорогой и на Руси, и в Европе шелк, чай и многое другое, чего прежде с Сибири на Русь не шло.

Однако победа Хабарова породила целый ряд проблем. В далекой столице просто не знали, что к 1640 г. в Китае сменилась власть. Потомки древних чжурчженей,

объединенные князем Нурхацци из рода Айсиньгеро, назвавшие себя маньчжурами, смогли разбить войска династии Мин сначала на севере, а позже и на юге³⁵. Внук Нурхацци Фулинь был объявлен новым «сыном неба». И хотя полностью территория Китая была покорена только к концу правления следующего императора Суанье (Канси), было очевидно, что в регионе появился новый гегемон – маньчжурская империя Цин. Народы Приамурья тоже оказались под властью императоров из рода Айсиньгеро. Причем если большая часть народов пребывала именно в статусе подданных, то народ дючеры (в хрониках «дикие чжурчжени») числились союзниками. Попытка ряда племен, которые возглавил вождь народа солонов Бомбогор, сбросить иго маньчжуров, была жестоко подавлена. Власть в княжествах сменилась. На место казненных или погибших восставших князей дауров и солонов были поставлены лояльные. Потому-то столь яростно сражались они с русскими отрядами.

Но победивший Хабаров не просто принял шерсть от дауров. Клятва действовала в обе стороны. Его войско отправляется сражаться с врагами дауров дючерами. Опыт покорения реки Лены, точность пушечной пальбы, организованной его другом и преемником Онуфрием Степановым, помогли ему не только разбить войско дючеров, но и пришедшую к ним на помощь из ближайшей крепости Нингута роту (ниру) «восьмизнаменной» (регулярной) армии маньчжуров. От пленных Хабаров и узнает о том, что его «полк», насчитывающий менее 500 бойцов, вступил в сражение с гигантской империей, войска которой вооружены мушкетами и пушками. Многочисленные челобитные Хабарова, просьбы о помощи его преемника Онуфрия Степанова, пять лет отбивавшего натиск маньчжуров, остались без внимания.

Ведь московское правительство к тому времени уже смотрело на Запад. Политика в русской Азии была отдана на откуп местным воеводам. Да, Сибирь важна. Это понимали во все века. Но что нам та Сибирь, когда на Западе можно лишние десятины земли с городком урвать. Потому было совершено множество политических (дипломатических) неточностей, за каждую из которых приходилось платить русской кровью, совершая чудеса героизма, предприимчивости. Имена этих героев пока существуют на периферии сознания россиян. Иван Галкин, Максим Перфильев, Иван Москвитин, Петр Бекетов, Ерофей Хабаров, Онуфрий Степанов и множество других героев остаются частью «региональной истории». Для жителя европейской части страны они экзотика, почти как правители майя или африканские полководцы древности.

А ведь именно их трудами, их потом и кровью, их дипломатическими талантами в состав России вошли гигантские пространства по Иртышу и Енисею, земли по реке Лене, Прибайкалье и Забайкалье. По числу основанных ими городов они могут поспорить

---

³⁵ Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.) / Институт востоковедения АН СССР. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974.

с Александром Македонским. Илимск и Усть-Кут, Якутск и Охотск, Братск, Нерчинск, Киренск, Баргузин, Иркутск, Албазин и еще десятки городов, острогов и острожков были не просто переименованы новыми хозяевами в духе Великого Александра, но и построены и обжиты. По числу сражений, осад и невероятных приключений тот же Иван Галкин мог бы посоперничать с Цезарем. Беда только в том, что «Записок» он не писал, а своего Тацита у него рядом не оказалось.

А уникальная жизнь-приключение Ерофея Хабарова, который успел побывать таможенным целовальником в Тобольске, доверенным лицом воеводы в Мангазее, одним из авторов проекта «приведения под высокую государеву руку земель по сибирской реке Лене!» И не только автором, но и активным участником этого процесса, сумевшим вместе с отрядом своих «покрученников» (наемников) спасти из осады сына боярского Ивана Галкина. Его амурское приключение, когда полк, собранный с бору по сосенке, смог не только захватить «даурскую землицу» (Приамурье), но и в течение пяти лет отражать атаки гигантской империи Цин, на тот момент, наверное, самого могущественного государства в мире.

И вроде бы помнят его, даже город в его честь назван. Но только помнят его авантюристом, а не государевым мужем, доверенным лицом главы Сибирского приказа, «приказным Даурские земли», павшим жертвой дворцовых интриг партии князя Милославского. Можно вспомнить главу об отряде защитников крепости Албазин, Афанасия Бейтона³⁶, немецкого рейтера-наемника, ставшего русским дворянином и сибирским атаманом, который в течение двух лет отражал натиск маньчжурской армии, в 10 раз превосходящей числом гарнизон крепости. Ведь именно он на предложение маньчжурского полководца Лантаня о почетной сдаче ответил: «Русские крепости не сдают. Непривычны». Даже беглые рассказы об этих людях могут составить отдельную, достаточно большую книгу, их хватит для сюжетов десятков, если не сотен фильмов³⁷.

Почему же эти персонажи оказались на обочине отечественной истории? Почему мы сами так ограбили собственное прошлое, почти игнорируя его азиатскую часть? Причин множество. Одна из первых связана с тем, что писалась история присоединения Сибири к России тогда, когда само это обстоятельство превратилось из чуда, подвига тысяч людей в нечто само собой разумеющееся, почти автоматически произошедшее событие.

Да и основу описания истории Сибири заложил специфический хронист, первый профессиональный историк в России Герхард Фредерик Миллер³⁸. Он провел, несомненно, гигантскую работу по созданию архива, в том числе документов из сибирских воеводств. «Портфель Миллера» – до сих пор одна из основ изучения эпохи. Но он был европейцем

---

³⁶ Бартнев Ю. Герои Албазина и Даурской земли // Рус. арх., 1899. – Кн. 1. – Вып. 2.

³⁷ Например, см.: Бляхер Л.Е. Сибирская сага. Афанасий Бейтон. – Екатеринбург, Ridero, 2017.

³⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. III. – М., 2005.

и человеком своего времени. Все значимое по его и не только его убеждению происходит в Европе. За ее пределами живут исключительно варвары, чьим счастьем и удачей является попасть под власть какой-то из «цивилизованных держав». Никакой истории, никакой политики у них быть просто не может. В лучшем случае этнографические особенности, о которых цивилизованному европейцу приятно порассуждать после сытного ужина в кругу таких же цивилизованных европейцев.

Смущала и малочисленность отрядов первопроходцев, которые фиксировались в документах воевод. Десятник с отрядом захватывал область, а сотник – целую страну. Из того вроде бы само собой следовало, что дело это было не особенно хлопотное. Вроде бы понятно, что в документах фиксировались только поверстанные казаки, те, кто получал оружие и довольствие из воеводских рук. Сколько с ними шло иных людей, мы, наверное, никогда не узнаем. Получалось нечто вроде перечисления павших в сражении у средневековых хронистов (только опоясанные рыцари) или у античных авторов (только полноправные граждане полиса).

Невероятной была и скорость продвижения русских отрядов. Только в конце XVI столетия происходит присоединение Сибирского ханства, а в середине XVII в. русские кочи (палубные корабли) выходят к Великому океану. Тут и возникает мысль, что не было там ничего, по пустой земле они шли, потому и были первопроходцами. Все это не совсем так. Или совсем не так. Были обстоятельства, уникальные умения, которые дали возможность русским отрядам идти вперед, сражаться и побеждать там, где даже надежды на победу не было.

Во-первых, уникальный речной флот России. Некогда Британия присвоила себе титул владычицы морей. Россия с большим правом могла именовать себя *владычицей рек*. Кочи, расшивы, дощаники, струги, чайки и множество иных разновидностей гребных и парусных судов ходило по русским рекам еще с XI столетия. По рекам шло освоение Сибири. Великие реки – Иртыш, Обь, Енисей, Ангара, Лена, Амур – были дорогами, по которым шли боевые отряды и крестьянские семьи. На «перекрестках рек» (впадении притока в главную реку), на «волоках» (путях из бассейна одной великой реки к бассейну другой) ставились города и крепости. Господство на реках обеспечивало русским воинам огромное преимущество. Они всегда могли отступить на корабли в случае неудачи, переместиться на новое место. Русские речные суда были уникальными³⁹. Они могли везти до сотни и более человек, тонны грузов. Вместе с тем они были относительно легкими, позволяющими переносить (перевозить) их по «волокам». Они стали первым «kozyрем» открывателей Сибири. Первым, но не единственным.

---

³⁹ Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. – 2001.

Во-вторых, *традиции деревянного зодчества*, прежде всего *оборонного*. В течение нескольких часов возводились простые укрепления («палисады»), за которыми можно было отбиться от превосходящего числом противника. За месяц ставились «земляные стены», полноценное крепостное сооружение, где оборону можно было выдерживать годами⁴⁰.

Не случайно именно топор был основным холодным оружием первопроходцев. Им они не только бились с врагом, но прежде всего строили корабли и крепости. Именно такими укрепленными поселками и городками (острогами) было покрыто пространство от Урала до океана, от Тобольска до Охотска. Опираясь на них, русские люди присоединяли Сибирь. Но дерево – материал недолговечный. К моменту, когда писалась история Сибири, большая их часть уже исчезла. Сегодня и вовсе остались только фрагменты Братского и Якутского острогов, да современный новодел, не особенно соотносимый с историческим прототипом. Пожалуй, только уникальный музей под открытым небом «Тальцы» близ Иркутска дает сегодня некое представление о таинствах русского оборонного зодчества.

В-третьих, были *особые политические обстоятельства*, дававшие преимущество России. Во второй половине XVII в. среднеазиатские ханства погрязли во внутренних войнах, практически распались на отдельные эмираты и бекства, где представители династий Шейбанидов и Тимуридов яростно бились за контроль над долинами и горными проходами. Два главных хищника азиатского, в том числе Сибирского, политического пространства – державы ойратов и Поднебесная империя готовились к схватке друг с другом, ослабив внимание на северных границах. Сражения на периферии (в Монголии, в Тибете) шли с XVI в. Но было понятно, что впереди большая война, в которой выживет кто-то один.

Кроме того, в середине столетия Китай переживает смену династий. На место национальной династии Мин приходит маньчжурская династия Цин. Процесс этот был тоже совсем не простой и не линейный. Бесконечные восстания, сражения, интриги и дворцовые перевороты регентов при малолетних императорах составляли содержание политической истории империи Цин вплоть до конца XVII столетия. В этих условиях Россия и смогла войти, а точнее, вернуться в Азию, стать там одной из главных сил.

Нерчинский мирный договор, которым завершилось 40-летнее противостояние между Россией и империей Цин, часто рассматривается в исторической литературе как поражение нашей страны. Ведь России пришлось «отдать Приамурье». Думается, что это, мягко говоря, не вполне верно. Ведь после гибели Онуфрия Степанова, последнего «приказного даурская землицы», Приамурье оставалось местом вольной охоты отдельных «воровских»

---

⁴⁰ Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.

(незаконных) вооруженных групп. Даже крепость Албазин, позже ставшая символом русского мужества в Сибири, была основана беглым казачьим пятидесятником Никифором Черниговским.

Более того, на тот момент Приамурье и не было особенно нужно России в отличие от Забайкалья, где обнаружили так необходимые державе серебро и медь. Приамурье здесь было скорее объектом дипломатического торга. На Забайкалье же маньчжуры все-речь и не претендовали. Слишком невесело здесь шли у них боевые действия. Зато по результатам Нерчинского договора Россия получила право беспошлинной торговли с Китаем, а русский мех дополнился китайским чаем, ставшим важным источником пополнения бюджета в сложный период русской истории (правление царевны Софьи, стрелецкие бунты, разорение европейских областей после многолетних войн). И не только пополнением бюджета знаменит «чайный путь». Он связал десятки городов и регионов, дав толчок их развитию. Благодаря «чайному пути» в пространство русского суперэтнуса окончательно влились народы Сибири. Да, крайне важно помнить, что Нерчинский мир – первый равноправный договор, заключенный империей Цин с иностранным государством⁴¹. До периода «опиумных войн» еще полтора столетия, а европейские посланники пока предпочитают целовать туфли императору Суанье (Канси).

Было и «в-четвертых». Уже у первого поколения сибиряков сформировалась уникальная способность: они *умели заводить друзей* – и не просто друзей, а союзников. При чем здесь это? Все очень просто. Ведь это потом просторы великих рек и бескрайнее море тайги станут для сибиряков родным домом. А поначалу кто-то должен был показать первопроходцам пути-дороги, обучить премудростям таежной жизни. И если в Сибири, только становящейся русской землей, появлялись враги (те же джунгары или маньчжуры), то тут же появлялись и друзья-союзники: коренные народы, населявшие берега Иртыша, Оби и Лены, народы Прибайкалья, эвенкийское население Приамурья. Ханты и саамы, юкагиры и хамниганы, множество других этнических групп не просто населяли Сибирь, становящуюся русской. Они призывали русских защитников, делились с ними и знанием своей земли, и ее богатствами. Мощнейший ныне якутский российский народ пошел на союз с казаками для защиты от воинственных тогда чукчей. Которые позже тоже стали одним из коренных этносов России.

Показательно, что множество блюд местной кухни вошло в региональную, а позже и в «большую» русскую кухню. А во внешнем облике коренных сибиряков часто проглядывают черточки, свойственные коренным народам этой земли. Представители сибирских народов шли вместе с отрядами русских первопроходцев не только на пир или охоту, но и на бой. Не случайно среди погибших при осаде маньчжурами крепости

---

⁴¹ Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII веке. – Хабаровск, 1987.

Албазин археологи нашли достаточно большое число останков с явно выраженными эвенкийскими чертами⁴². Русские люди тоже отдавали новым друзьям более совершенные орудия охоты и рыбалки, обеспечивали их защиту от сильного врага. Да и женились первопроходцы на сибирских красавицах. Казаки, естественно, шли без женщин. И женились по разрешению царя и священников – после часто формального крещения – на местных девушках. В Якутии до сих пор с радостью вспоминают красавицу Абакаяду – жену одного из великих первопроходцев Семена Дежнева и его самого. Так появлялись русские люди, впитавшие в себя древность изначальной Сибири: челдоны, гураны и другие сибирские субэтноты.

Можно вспомнить и «случайные», казалось бы, обстоятельства. Так, в конце XVI столетия в Россию было завезено более 20 тыс. ружей с новым тогда ударно-кремниевым механизмом. Но консервативные стрельцы сочли эти ружья неудобными, более сложными в обслуживании. Потому и оказались они... в Сибири. Казалось бы, и что? Поиграются «дикари» со сложными игрушками, да и сломают. Вот только «дикарями» первые сибиряки не были. В тот период в Сибири появляются умельцы-кузнецы, которые смогли наладить починку этого – да и любого другого вплоть до пушек – оружия. Именно таким кузнецом-оружейником был ближник и преемник Ерофея Хабарова Онуфрий Степанов (по прозвищу Кузнец). В результате долгие годы в Сибири было более совершенное вооружение, нежели в европейской части России⁴³. И дело не только в ружьях. Сибиряки охотно учились у многочисленных в тот период иностранных наемников, направляемых государством в Сибирь или ссылаемых туда⁴⁴. Они знали систему залпового огня едва ли не раньше, чем ее освоили «полки нового строя». Но брали чужое они для того, чтобы сделать лучше привычную, понятную «сибирскую жизнь», а отнюдь не для того, чтобы как-то менять ее по чужому образцу. Первое, легендарное поколение открывателей/покорителей Сибири было уникально мастеровитым, охотно училось и у своих, и у чужих. Но при этом помнило, что оно представляет Россию, помнило, что, увлекаясь чужим, важно не потерять свое. И, самое главное, они умели сохранять это «свое» в любых условиях.

---

⁴² Информация получена автором в личной беседе с участником раскопок Албазина.

⁴³ Кречмар М.А. Сибирская книга. История покорения земель и народов сибирских. – М.: Бухгалтерия и банки, 2014.

⁴⁴ Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский. – Иркутск: Репроцентр, 2008.

Сибирь имперская

Не менее значима Сибирь была и в период империи. При произнесении слова «империя» перед глазами большей части читателей встает образ гигантской державы, покоряющей ближнее и дальнее. Такой взгляд понятен и привычен. Только верен ли он? Ведь мы знаем, к примеру, Трапезундскую империю (1204–1461), владения которой ограничивались узкой полоской земли близ города Трапезунда. И подобные примеры не редкость. Что же делает политику империей? Современный исследователь А.Ф. Филиппов ключевой чертой империи справедливо считает наличие «вселенского проекта»⁴⁵. Каждая империя – от древних империй Шумеров до Британской империи и чужающихся этого слова постколониальных империй – несла в себе представление о «правильной жизни». Она (империя) была или воспринимала себя инструментом, проводником этого знания в мире. В большей части случаев источником этого знания о правильной жизни, которое несла империя, был Бог (боги, высшие существа, небесный порядок и т.д.). Вне этой сверхзадачи любая империя в кратчайшие по историческим масштабам сроки, в течение жизни 2–3 поколений, вырождалась в страну господства олигархических кланов. Даже сегодня отсылка к «ценностям» или «правилам» представляет собой попытку ввести в секулярное общество истинный источник знания о правильности – высшее измерение человеческого бытия.

Конституирующим признаком империи, просто великой страны во все времена было наличие идейного стержня – общегосударственной идеологии. Когда страны-империи ее теряли, они уходили с исторической арены или с грохотом разваливались. Россия дважды переживала такой кризис – в начале XX в., когда значительная часть элиты потеряла веру в Бога, царя и Отечество, и в конце того же века, когда умерла коммунистическая идеология. Именно поэтому сейчас активизировались усилия по наполнению идейного вакуума. Без идеологии, идеи-мечты стране, подобной России, не выжить⁴⁶.

В этом плане Россия была империей задолго до того, как Петр Алексеевич принял это звание. Политическая концепция «Москва – третий Рим» – поистине имперская, вселенская концепция⁴⁷. Именно она задавала и движение вовне (ведь то, что станет Русью, будет спасено от дьявольского морока), и примат духовного измерения над материальным (цель – не просто богатство, а воля и спасение).

---

⁴⁵ Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 43–97.

⁴⁶ Караганов С.А. Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке [Идеологическое основание российского государства-цивилизации] // ред. Лукьянов Ф.А., Малютин П.Н. М.: СВОП, ФМЭИМП НИУ ВШЭ, 2025. С. 48

⁴⁷ Цымбурский В.Л. «От Великого острова Руси...» К прасимволу российской цивилизации // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 34–56.

В новых условиях не сразу, но уже в первой половине XIX в. создается концепция – наследник прежнего имперского знания в условиях мирового господства Европы. Эта двухчастная концепция (внутри и вовне) имела огромное значение не только в момент ее создания, но и, как это ни парадоксально, позже, в эпоху советской власти.

Внутренний ее смысл фиксировался в *триаде «православие, самодержавие, народность»*. Первая часть триады воплощает отнюдь не подавление иных верований на территории империи. Отметим, что подобная практика была в России крайне редкой, а, например, нормы шариата по приказу военного губернатора Сыр-Дарьинской области были переведены на русский язык и использовались в судебных заседаниях⁴⁸. Представляется, что здесь идет указание на источник политического облика Российской империи – на высшее знание.

«Самодержавие» отражает особую роль русского царя, не только и не просто правителя с наследственной системой передачи власти, но как ответчика за народ перед Богом, орудия Божьего промысла. И последняя (по порядку, но не по важности) часть триады – «народность» – воплощает особый тип взаимодействия государя и подданных, воплощенный в слове «соборность». Это не сложная система «сдержек и противовесов» европейского «мира разума», но единение в Боге.

Религиозно-образовательный каркас Сибири складывался вместе с продвижением России за Урал. В новых острогах и городах первыми общественными зданиями становились храмы и монастыри. Священство и монашество несли веру и учили грамоте, при приходах возникали школы, затем духовные училища и семинарии. Тобольская семинария открыта в 1744 г. на базе архиерейской школы по образцу Киевской духовной академии, ее выпускники и приглашенные преподаватели задали стандарты подготовки. Позже семинарии открылись в Иркутске и Томске. Эти учебные центры сочетали подготовку клира и миссию среди коренных народов, поэтому в них учились дети священнослужителей и представители местных этносов. Наряду с богословием, Священным Писанием, историей православия и латынью изучались местные языки, включая татарский и остяцкий, что укрепляло культурное взаимодействие и доверие.

Политика Александра III связала духовное и светское образование: при создании Императорского Томского университета в 1888 г. ему обеспечили преемственность с семинариями и более свободный прием, наряду с выпускниками гимназий в него поступали выпускники 45 православных семинарий России. От Урала до Тихого океана работало шесть ключевых семинарий: Тобольская, Томская, Благовещенская, Иркутская, Красноярская и Якутская. На протяжении почти всего XIX века Императорский

---

⁴⁸ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. – Хабаровск: Изд. дом Приамурские ведомости, 2001.

Казанский университет оставался единственным крупным университетом восточнее центральных губерний, что усиливало веротерпимость и межконфессиональную открытость на фронтире. Казанские и сибирские татары выступали надежным заслоном от пантюркистской агитации, тогда как панславизм отходил на задворки. Уже Н.Я. Данилевский связывал заискивание перед Европой с отказом от собственного цивилизационного проекта, а сибирская практика показывала обратное: опора на соборность, местные сообщества и сеть духовно-образовательных институтов укрепляла имперскую целостность.

Особый, отличный от любого другого «дух народа», зафиксированный в знаменитой, но десятки раз оболганной триаде, породил и особую внешнюю роль империи, ее вселенский проект. Россия – мост между Востоком и Западом⁴⁹. Об этом месте России писалось уже множество раз. Но в данном случае речь шла о вполне определенных вещах. Именно России выпала историческая роль соединения техногенной цивилизации и духовного мира. Экологические и биологические катастрофы позднего Средневековья (пандемия чумы, малое оледенение) поставили европейский регион на грань выживания. Ответом на этот вызов, причем ответом крайне успешным, и стало появление технологического мира.

Однако кроме несомненного позитива развитие технологий несло в себе скрытые угрозы расчеловечивания реальности, утраты самого смысла человеческого бытия, его трансцендентального измерения. Не случайно все глобальные войны последних столетий с многочисленными «нулевыми мировыми войнами» были инициированы европейцами, а наиболее бесчеловечный политический режим – фашизм – пришел к власти вполне демократическим путем.

С другой стороны, Восток, большая часть народов которого сохранила высшее измерение и собственную культуру, оказался подавлен Европой, был поставлен на грань существования нещадной и бесстыдной эксплуатацией типа экспорта опиума в Китай или уничтожения индийской промышленности с целью продвинуть продукцию промышленности британской. Россия стремится соединить эти две ипостаси. Да, Россия вполне активна в европейской политике. Именно русская армия остановила и позже разгромила Наполеона, Российская империя была активным деятелем Священного союза. Российская армия – одна из сильнейших армий континента. Но Россия не Европа. Здесь сохранилось (во всяком случае, на этом стояли авторы концепции, среди которых ведущие мыслители страны) духовное измерение человеческого бытия. Потому-то только русские могут не подавлять, не захватывать и ломать, но выстраивать диалог с народами и странами Востока, обогащая духовность и очеловечивая технологии. И здесь роль Сибири трудно переоценить. Ведь именно Омск (1716) стал воротами России в Среднюю Азию и на Алтай

---

⁴⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: «Книга», 1991. – 576 с.

(это направление в 1771 г. был подхвачено Барнаулом). Через Иркутск и Нерчинск проникали русские люди в монгольские степи, в империю Цин («Великий чайный путь»). Через Хабаровск шло освоение Маньчжурии, строительство Харбина и КВЖД, а Владивосток охранял выход к Великому океану. Через сибирские города складывались торговые пути, позволяющие товарам этих стран выйти на мировые рынки. Именно Сибирь была основой русской (внутренней) Азии, да и дорогой в Азию внешнюю, где долгие годы Россия играла роль третейского судьи и часто защитника стран от чрезмерных appetites «европейских партнеров». Так, жесткая позиция Санкт-Петербурга стала непреодолимым препятствием для «проекта» раздела Китая европейскими державами после подавления восстания ихэтуаней⁵⁰, а приказ генерал-губернатора Приамурья С.М. Духовского о мобилизации и приведении армии в боевую готовность заставил Японию умерить аппетиты в отношении империи Цин, потерпевшей поражение в китайско-японской войне. Лишь позже, уже на закате империи, эта роль была частично утрачена. И вина здесь отнюдь не на сибиряках.

Не менее значима была Сибирь и для внутреннего развития Российской империи. Чтобы осознать эту роль Сибири, нужно отвлечься от десятилетиями создаваемого образа гигантской каторги, региона подневольного труда. Было ли это? Конечно, было. Тобольская пересыльная тюрьма, пересыльная тюрьма близ Иркутска, каторжные рудники в Забайкалье и не только там. Все это было. Более того, часто ссыльные и каторжане приносили в сибирскую жизнь множество вещей и дел, позже породивших массу крайне позитивных последствий. Еще в далеких XVII–XVIII вв. ссыльные офицеры обучали сибирских казаков залповому огню и сложным военным маневрам. Позже ссыльные декабристы способствовали становлению культурной жизни в городах Сибири. Живопись и театр, поэзия, музыка и этнография – все это и многое другое пришло с декабристами в Сибирь. Да и не только культурной жизни. Братья Муравьевы и Сергей Волконский выписывали редкие семена из Европы, выводили новые сорта растений, которые могли вызревать в суровом сибирском климате. Сын декабриста Сергея Волконского – Михаил Сергеевич был участником и представителем генерал-губернатора в Амурской экспедиции 1849–1855 гг.

Однако расцвет региона – а он был – обеспечивали все же другие люди: вольные старатели и купцы, крестьяне, инженеры, чиновники и... военные. Здесь формировались отношения более, нежели где-то еще, соответствующие идеальным образцам. Конечно, исключения были всегда и везде. И в Сибири встречались самодуры, взяточники, казнокрады и просто воры. Но погоду делали не они.

---

⁵⁰ Фарберова О.Е., Зайцев В.А., Баранов Д.А. Ихэтуанское восстание: позиция России. // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 5. – С. 33–40.

Если героями первого этапа освоения Сибири были казаки и промышленные люди, то в эпоху империи ее героями стали исследователи первой Камчатской (1725–1730), Великой Северной экспедиции (1740–1742), академических экспедиций под руководством П.С. Палласа (1768–1774) и более поздней Амурской экспедиции. Говоря о героях Сибири (и России) имперского периода, нельзя пройти мимо уникальной фигуры уроженца Тобольска Д.И. Менделеева, не только величайшего русского гения науки, но и видного сановника, близкого соратника С.Ю. Витте. Для нашего рассмотрения важен не только масштаб его научных открытий или тот факт, что он родился и начало образования получил в Тобольске. Важна именно его роль в развитии Сибири. Именно его чаяниями был открыт первый в Сибири университет в Томске (Императорский Сибирский университет – 1878 г.). Именно Менделеев в содружестве с будущим героем Русско-японской войны С.О. Макаровым был одним из инициаторов исследований Крайнего Севера, прежде всего Северного морского пути, значение которого только растет к настоящему времени. И это не исключение. Множество ярких фигур отечественной истории, родившихся в Сибири, волею судьбы служивших здесь, часто на всю жизнь сохраняли связь с этой землей, участвовали в ее становлении.

Гигантскую роль в становлении имперской Сибири сыграли военные топографы, первыми ступавшими в неизвестные земли, инженеры-чиновники, прокладывающие и проектирующие дороги, города, жизнь на новых землях. Не случайно культовым персонажем востока России стал военный топограф В.К. Арсеньев. Легенда Сибири (и не одной Сибири – всей России) Иван Ползунов – не только гениальный изобретатель, но и в известном смысле квинтэссенция сибирской инженерии имперского периода. А строительство Байкало-Амурской магистрали началось отнюдь не к исходу «золотой пятилетки» СССР, а с экспедиции полковника генерального штаба Н.А. Волошинова и инженера Л.И. Прохасько в 1889 г.

Чиновничество в Сибири эпохи империи существенно отличалось от карикатурных образов чиновников-мздоимцев, изобилующих в обличительной литературе⁵¹. Не вписывались они в нее. Известный в России писатель-публицист В.Л. Кигн-Дедлов долгие годы служил в Сибири чиновником по особым поручениям министерства внутренних дел, инспектировал прииски, контролировал условия жизни рабочих, переселенцев. Нельзя не вспомнить и военного губернатора Камчатки, флотского офицера (позже адмирала) В.С. Завойко. Он не только внес огромный вклад в становление порта, но и с отрядом казаков, местных добровольцев и флотского экипажа смог сбросить в море англо-французский десант, который втрое превосходил силы обороны, а в артиллерийском отношении был на порядок сильнее. Даже студенты-вольнодумцы, сосланные в Сибирь, становились здесь государевыми людьми. Так, знаменитый этнограф

---

⁵¹ Матханова Н.П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 2. – С. 58–75.

В.Г. Богораз в Сибири (в ссылке) участвовал в экспедициях в качестве чиновника переселенческого управления.

Да и с высшим чиновничеством на восточных, беспокойных землях все было... необычно. О генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н.Н. Муравьеве-Амурском в регионе до сих пор слагают легенды⁵². Его именем называли станицы (с. Графская, ныне город Дальнереченск), территории. Именно его стараниями самые южные и хлебородные регионы Зауралья (Приамурье и Приморье) стали русскими (Айгунский мирный договор 1858 г., Пекинский договор 1860 г.). Им же была разработана первая программа переселения на новые земли империи.

И позже высшее чиновничество Сибири отличалось особой глубиной знаний, ориентацией на укрепление государства, улучшение жизни местных людей и особой терпимостью к недостаткам местных жителей. Про первого генерал-губернатора Приамурья барона А.Н. Корфа говорили: «Людям жить давал»⁵³. Именно он создал уникальную форму общения власти и населения региона – *Съезд сведущих людей*, включавший в себя чиновников, купечество, промышленников, ученых.

Знаменитым писателем, полиглотом, героем покорения Средней Азии и Кавказа был генерал-губернатор Н.И. Гродеков⁵⁴. Его личная коллекция, подаренная городу, и построенное по его приказу здание в Хабаровске стали основой одного из лучших краеведческих музеев страны, существующего и по сей день. Известным ученым, членом престижнейших академий, был государственный деятель Сибирских губерний (губернатор Тобольский, Томский, генерал-губернатор Приамурья) Н.Л. Гондатти⁵⁵. Он был инициатором открытия одного из первых и лучших в России женских учебных заведений в Томске. За заслуги по борьбе с последствиями гигантского пожара в Ново-Николаевске (ныне Новосибирске) он был удостоен звания почетного гражданина города. Уже будучи крупным государственным чиновником, он возглавил Амурскую экспедицию – один из самых масштабных исследовательских проектов периода империи. Это не только исследования наиболее удобных путей для железнодорожной магистрали, строительство станций, разведка полезных ископаемых, но и уникальное для Сибири исследование сельского хозяйства региона и путей его развития. Так, именно тогда были заложены основы приамурского и приморского пчеловодства, сохранившего свою значимость до сих пор.

Нельзя не сказать о *сибирском купечестве*. Собственно, историю русской Сибири можно вести не только от походов Ермака, но и от промыслов «спонсоров» этих походов – купцов *Строгоновых*. И позже, едва ли не сразу после первопроходцев, а порой и опережая их,

---

⁵² Зырянов П.Н. Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 22–46.

⁵³ Пронякин К.А. Тайна барона Корфа // «Дальний Восток», № 4, 2021. С. 200–204.

⁵⁴ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. – Хабаровск: Изд. дом Приамурские ведомости, 2001.

⁵⁵ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. – Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997.

шли торговые люди. Королевы и Головачевы, Шелеховы и Барановы, Плюснины и Жариковы – эти и десятки других купеческих фамилий внесли гигантский вклад в хозяйство Сибири, да и всей страны. Они привыкли рисковать, жить на грани. Они участвовали в опасных экспедициях, умели не только считать деньги, но и стрелять. В отличие от привычных Тит Титычей их ставкой на фронтире часто была не казна, а жизнь. Да и формы торговли в Сибири часто не отставали, а опережали европейские. Торговые дома «Чурин, Касьянов и Ко», «Кунст и Альберс» открывали в городах Сибири первые супермаркеты задолго до их изобретения в США, разрабатывали сложные системы привлечения покупателей, кредитования и т.д.

Но они не просто копили золото. Улицы сибирских городов до сих пор украшают частные дома, магазины, общественные здания и церкви, построенные местными купцами. Они строили свой мир и хотели сделать его как можно лучше. Купцы были разными людьми. Кто-то выбивался из крестьянства, кто-то начинал дело, уже имея торговый или промышленный опыт, а у кого были и не вполне законные истоки капиталов. Не брезговали промышленностью здесь и дворяне (китобойное предприятие графа Кайзерлинга). Но было общее. Они не «делали бизнес» на европейский манер, не копили деньги по заветам героев Гоголя и Салтыкова-Щедрина, а воспринимали свое дело как форму служения, строили дом для себя и «для всего мира».

Есть некая магия в бескрайних просторах азиатской России. Наследники «речного пирата» Плюснина строят в Хабаровске церкви и дом городского собрания (ныне Театр юного зрителя). Даже самые ярые антигосударственники, враги России вдруг проникались сибирским (русским) духом. Так, в 1863 г. в Сибирь был сослан участник польского восстания, дворянин Михаил Иванович (Михал Янович) Янковский. В конце концов оказавшись в Приморье близ Владивостока, он не просто стал признанным вожаком местного населения, страдавшего от хунхузов, а смог, организовав людей, уничтожить бандитов. Впоследствии им были выведены дальневосточные сорта винограда и арбузов, особая порода скаковых лошадей для военного ведомства и многое-многое другое. Уже будучи тяжело больным, он по совету врачей переезжает в Сочи, но каждый год возвращается домой. Наверное, слово «дом» – самое точное определение чувства, которое рождает эта земля.

Как здесь не вспомнить судьбу великого русского писателя *Федора Михайловича Достоевского*. Да, его «путешествие по Сибири» трудно назвать приятным и добровольным. Но вспомним, что в Сибирь по этапу убыл нигилист-петрашевец, автор малозначительных рассказов, а вернулся мыслитель, который, может быть, глубже, чем кто-либо другой, понял смысл русской души и русской судьбы. Перелом сознания, конечно, связан с пребыванием в тяжелейших условиях омской каторги. Однако думается, что не меньшую роль сыграла и сама Сибирь, ее дух, ее люди. Рассказывают, что важнейшую роль в преобразовании нигилиста в, наверное, самого

тонкого знатока русской души сыграло Евангелие, которое было подарено в Тобольске Достоевскому женами декабристов – он и сам это признавал. Трудно предположить, что образованный молодой человек, которым, несомненно, был Федор Михайлович, прежде не читал Священного Писания. Но, видимо, Сибирь – земля особая. Она ближе к Богу. Потому и слова из священной книги воспринимались здесь им иначе, меняли душу, очищали разум. Выдающийся современный деятель культуры Сибири и России, меценат из Тобольска А.Г. Елфимов заказал расшифровку тысяч записок, сделанных будущим величайшим писателем и философом на полях этого сохранившегося Евангелия. Эти расшифровки позволили гораздо глубже понять произведения Достоевского. В Сибири, да и позже, он общался с Богом.

Но есть обстоятельства жизни Сибири в имперский период, о которых стоит поговорить особо. Конечно, Сибирь продолжала быть главным поставщиком множества благ для империи. Это золото и серебро, уголь и лес, меха и рыба. Но было еще одно. Во второй половине XIX столетия Россия переживает первый демографический переход. Резко возрастает рождаемость при снижении смертности, увеличивается плотность населения, особенно во «внешних губерниях» (Белоруссии, Малороссии и Новороссии). Вместо привычного русского простора возникает скученность, бедность, болезни. Особенно сложно дело обстояло в деревнях, где крестьянские наделы год от года уменьшались. На фоне перенаселенности возрастает угроза голода и эпидемий, возникает социальная напряженность, которой активно пользовались революционеры и националисты всех мастей. В этот период государство реализует гигантский, сравнимый с событиями XVI–XVII вв. проект крестьянского переселения за Урал. Этот эпохальный проект, к несчастью, был почти вытеснен из культурного сознания россиян образами сибирской каторги и ссылки, прочно введенных в культуру разными поколениями революционеров, которые не нашли свое Евангелие. Однако именно он, а не каторга и ссылка составили глубинный (народный) смысл имперского периода сибирской и в целом российской истории.

Правовые основы такого переселения были заложены еще в 70-е гг. XIX в. Новым переселенцам выдавались огромные земельные наделы. В Приамурье они доходили до 109 га земли на семью. Вводились серьезные налоговые льготы. Но само переселение шло слишком медленно. Тяжелейшая и долгая (более года) сухопутная дорога до новых мест пугала крестьян. Помогло уникальное стечение обстоятельств.

Несколько ранее в свете вполне вероятного военного конфликта с большей частью «великих стран» того времени, не признавших результаты Русско-турецкой войны, в России на добровольные пожертвования граждан был построен флот, способный защитить ее морские рубежи (Доброфлот). К счастью, усилиями российской дипломатии конфликт удалось предотвратить. Корабли же стали использоваться частью в торговых

целях, частью для реализации программы переселения. Из Одессы во Владивосток начал курсировать пароход, на котором за вполне короткий срок крестьяне доставлялись к новому месту жительства. Для бедняков существовала государственная («казеннокоштная») программа переселения с постепенным возвратом долга. Те, кто еще не впал в нищету, переселялись за свой счет («своекоштное переселение»).

Не единицы, но сотни тысяч, миллионы крестьян переселились в Азию, стали местными жителями, взрыхлили землю, собрали зерно, построили охотничьи заимки в самых сокровенных таежных углах, добыли первые золотые самородки. В общей сложности только за годы столыпинских реформ в русскую Азию переселилось более 3 млн 300 тыс. человек⁵⁶. По берегам великих сибирских рек, позже вдоль трассы Транссиба возникают сотни и тысячи новых селений. В новых сибирских семьях рождалось много детей. Россия вновь шла «встречь солнцу». Этот момент нечасто фиксируется в специальной литературе, но возможно, что именно это переселение отсрочило социальный взрыв на десятки лет. Оно же стало важным этапом формирования сибирского крестьянства. Этот опыт может оказаться важным и даже насущным и сейчас.

Сибирский крестьянин – статья особая, заслуживающая отдельного разговора. Многим он отличается от своего европейского собрата. Он не знал малоземелья. Со многим ему приходилось справляться. Дикий зверь регулярно в холодные зимы выходил к селениям, пахшим едой. Суровый климат мог свести на нет все усилия землепашца. Но малоземелья он не знал. Вокруг лежала бескрайняя тайга, которая требовала только приложения мужицких рук. Она же спасала в трудные годы.

Там, где не выручала пашня, ее дополняли охота, скотоводство, рыбный промысел, сбор дикоросов, лесорубный промысел, старательство, извоз и многое-многое другое. Сибирский мужик умел все: умел построить жилье в лесу одним топором, умел пахать и разводить скотину, знал сотни лечебных и съедобных таежных трав. Универсальность, множество умений, способность быстро находить новый источник благ, если старый почему-то иссяк, – все эти качества сложились у русского человека здесь.

Не знал сибирский мужик и крепостной неволи. Да, повинности в пользу государства были. На телегах сибирских мужиков везли инструменты и материалы строители Транссиба, перевозились припасы для войск, строились на средства «общества» местные пути, поддерживались в судоходном состоянии реки, прокладывались зимники.

Но были у сибиряков и совсем особые обязанности перед страной и властью. Выше мы говорили об «оборонном сознании», осмыслении себя сибирскими людьми гарнизоном форпоста, прикрывающего страну. Ведь едва ли ни каждый исторический центр

---

⁵⁶ Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Ленинград, 1962.

Сибирь в определенное время был поселением на фронтире, причем на фронтире, которому угрожали сильные враги. Жить в тайге и уметь стрелять, причем стрелять хорошо, – это тесно связанные понятия. Крестьяне в этих условиях становились плечом к плечу с военными, а порой и заменяли их.

Вспомним период, когда Россия осваивала отошедшие к ней Приамурье и Приморье, войск для защиты границ не хватало катастрофически. Так, на приказ военного губернатора Владивостока о перекрытии границы и жестком ее контроле командующий гарнизоном отвечал, что, даже если он выведет все наличные отряды на границу, расстояние между солдатами составит более 5 верст. В Петербурге, конечно, выделялись средства, чтобы эту беду компенсировать. Только до Сибири они доходили далеко не полностью. Оседали в важных кабинетах. А граница неспокойна. Разбитые армии участников восстания тайпинов в Китае бежали на север, становясь там обычными бандитами, терроризируя переселенцев, грабя торговцев.

Выход (конечно, временный, пока не подтянулись войска) нашел генерал-губернатор А.Н. Корф. Он выделял семьям сибирских переселенцев (а сибирская многопоколенная семья на ту пору – это человек 10–15 мужиков) положенные по закону сто десятин... на границе. Мужики, да и мальцы с бабами и девками, защищали свою землю, но заодно прикрывали общую землю, Россию. Так самое мирное сословие в Сибири обрело новый смысл. Крестьяне – и это не единичные случаи – становились защитниками Отечества там, где военных сил не хватало.

Таким образом, здесь, в Сибири, в имперский период начинают складываться, воплощаться в реальный человеческий материал те идеальные представления, которые были сформулированы русской политической и философской мыслью. Представления о компетентных чиновниках, болеющих за свое дело, живущих им, о купцах, промышленниках и финансистах, осознающих, что их богатство – это не столько личное, сколько общее благо, потому и тратить его нужно прежде всего на дела мира, общества. Здесь, на окраине империи, сложилось то русское крестьянство, о котором грезил народники. Причем сложилось без их участия. Правда, крестьяне эти были не идиллическими пейзажами из мечтаний столичных студентов, а жесткими, сильными защитниками своей и всей российской земли. Может быть, потому и модно было писать о «диких нравах» сибиряков, что последние никак не походили на паству, готовую идти за «просвещенным» студентом или разночинцем.

Были созданы в тот период в Сибири и уникальные управленческие формы, эффективные по сей день. И тогда, и сегодня гигантская протяженность страны создавала проблемы в управлении. Дело даже не только в том, что распоряжения из столицы шли слишком долго. Уже в имперский период телеграф, а чуть позже телефон частично

решили эту проблему. Естественно, сегодня скорость передачи информации и вовсе не является сдерживающим фактором.

Однако крайнее различие в климате, типе хозяйства, плотности населения и многом другом часто приводило к тому, что совершенно рациональное распоряжение, отданное в Санкт-Петербурге, «на местах» становилось ошибочным. Сегодня, обсуждая эту ситуацию, все чаще говорят о создании столицы на востоке. Но перенос столицы – это невероятно сложное и дорогостоящее мероприятие. В имперский период эту проблему решили иначе. Была создана сеть *особых* городов. Иркутский исследователь В.И. Дятлов назвал их *«имперскими городами»*. Они возникают не столько как результат естественных агломерационных процессов, сколько с осознаваемой политической целью.

Прежде всего это центры власти на территории. Находящееся здесь начальство одновременно выполняет две функции: они и государевы «глаза и уши», и лидеры местного сообщества, его представители перед лицом высшей власти. В обмен на абсолютную лояльность по отношению к государству им предоставлялся достаточно широкий круг полномочий, позволяющий «приземлять» на местную почву столичные решения. *Имперские города становятся своего рода передаточными станциями, транслирующими властный импульс, идущий из центра, на «свою» территорию.*

Но имперские города – не только способ эффективной трансляции импульса власти на просторы страны. В имперских городах живут имперские люди, многие из которых прибыли из столицы. Здесь иной, имперский образ жизни, иные, имперские взгляды на мир за пределами своей небольшой территории. Там строятся дивной красоты здания, многие из которых составляют предмет гордости сибиряков до наших дней. Возникают невиданные удобства и развлечения – театры и кинематограф. Богатые магазины предлагают восхищенным горожанам самые экзотические изделия из далеких стран. Этот – имперский, единый, русский – образ жизни, как правило, был притягателен для местного населения. Становился образцом, которому подражали. Так, очень разные губернии медленно, но сближались друг с другом, начинали осознавать себя единым целым – Россией. *Омск и Томск, Оренбург и Енисейск, Красноярск, Иркутск, Чита, Хабаровск и Владивосток – были политическим и структурным каркасом, обеспечивающим устойчивость великана России.* Множество раз за последние века нашей стране предрекали распад и гибель. Но созданный некогда каркас имперских городов сохранял и сохраняет единство страны, продолжал действовать, даже будучи оторванным от материнского тела (Севастополь).

В политику здесь почти не играли, отдавая это на откуп «большой столице». Даже если распоряжение из центра считалось ошибочным, его принимали к исполнению.

Так, генерал-губернатор Приамурья Н.И. Гродеков считал ошибкой строительство КВЖД, на которое шли ресурсы, необходимые «дома», на российской территории. Тем не менее именно его стараниями было обеспечено бесперебойное снабжение строительства Харбина – столицы КВЖД и всей «Желтороссии», создание системы охраны строительства дороги и сопутствующих строений по всей «полосе отчуждения».

Как мы уже отмечали, на сибирских просторах не сложилось того «средостения» между властью и народом, на которое сетовал славянофил Аксаков. Но оно сложилось в европейской части страны, в столицах. То, что «европейскость» – это не суть страны, а лишь ее парадный фасад, имеющий не особенно много общего с глубинным содержанием народного духа, оттеснялось на периферию массового сознания. Европейская маска России («русские европейцы») возомнила себя ее голосом, честью и совестью. В поздней империи она (маска) выходит на авансцену и со стороны власти, и со стороны ее врагов. То, что подражание кому-либо не просто смешно, но и вредно для страны, обрекает ее на вечное положение отстающей, догоняющей, не осознавалось носителями этой маски или загонялось в глубины подсознания.

Именно «средостению» во власти обязана империя провалами во внешней политике, непоследовательностью в политике внутренней, утратой роли третейского судьи на Востоке, оно привело к позору Русско-японской войны, когда даже героизм русских солдат не смог компенсировать бездарность и чванство командующих лиц. «Средостение» в оппозиции привело к тому, что недовольство «средостением» во власти было обращено не на него, но на Россию, которая и взорвалась в огне Гражданской войны.

Но «средостение», попытка не жить, а имитировать жизнь «как в Европе» в значительной степени миновали Сибирь. Может быть, поэтому установление советской власти в Сибири прошло вполне мирно, а в специальной литературе закрепился термин «*телеграфная революция*». По телеграфу приходило сообщение о смене власти в центре, новых назначениях на местах, и... прежний губернатор представлял нового главу (от временного правительства или от большевиков) местному сообществу. Гражданская война была и в Сибири, часто более кровавая, нежели где-либо. Но большая часть вспышек насилия была связана отнюдь не с «антагонизмом враждующих классов», а с неумными и безграмотными действиями назначенцев-эmissаров от очередной власти, часто бывших недоучившимися гимназистами, студентами, да и просто бандитами.

Советская Сибирь – оплот «большой России»

Гражданская война в Сибири тоже имела свои особенности. Большевики здесь, если и появлялись после прихода к власти в столице В.И. Ленина с соратниками, правили совсем недолго. Собственно, в этом оказалось их спасение. Они не успели стать слишком ненавистными для сибиряков. Зато «верховный правитель России» А.В. Колчак преуспел в этом деле гораздо больше. От него шли массовые изъятия из хозяйств крестьян, мобилизации, реквизиции⁵⁷. Не только в русских селах, но и в поселениях якутов, не поднимавших восстаний с середины XVII в., возникает движение против власти «верховного правителя». Так вышло, что облик адмирала оказался дивно похож на сложившийся и живший в среде сибирского крестьянства образ классического самозванца, который правит, не защищая, изымает, не одаривая, не является ответчиком за народ перед Богом. Потому и были «сибирские атаманы» если не врагами, то совсем не друзьями для А.В. Колчака, а армия «верховного» оказалась колоссом на глиняных ногах. Могильщиками белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке оказались не идейные комиссары, а местные мужики, не очень разбирающиеся в хитросплетениях политики. Не всегда и не всеми осознается, что партизанские отряды, которые «занимали города», о которых «не смолкнет слава», и «кулаки-мироеды» да «сибирская атаманщина», с которыми в конце 1920-х гг. боролась советская власть за Уралом, – это одни и те же люди. Не случайно один из советских руководителей восточной окраины писал, что народишко здесь дрянной, опереться не на кого, поскольку бедняков совсем нет.

Интересно, что в годы гражданской войны был впервые создан проект своеобразной сибиризации России. Причем автором его являлся не мыслитель с университетским образованием, а есаул, избранный походным атаманом, гуран (русский с долей крови местных народов), рожденный в одной из забайкальских казачьих станиц, Григорий Семенов⁵⁸. Этот персонаж использовался идеологами советской власти для объяснения всех экономических и политических провалов на восточной окраине, потому его реальный облик сегодня достаточно сложно восстановить. Думается, что это объект отдельного исследования.

Для нашего же рассмотрения важно, что именно он лелеет мечту о «новой монгольской империи», едином евразийском государстве на территории бывшей империи Чингисхана. Но, поскольку монголы свою волю утратили, роль главного народа, станового хребта новой империи должен принять русский народ, вобравший в себя все народы Сибири и Центральной Азии.

---

⁵⁷ Фефелов С.В. Сибирское крестьянство и режим адмирала А.В. Колчака // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 1. – С. 192–196.

⁵⁸ Военный диктатор Забайкалья или политический фантазер? Чем запомнился атаман Семенов // chita.ru, 2023. – 12 ноября.

При всем том что идеи Г. Семенова так и остались мечтами, роль Сибири в годы СССР, особенно во второй половине XX в., была гигантской. Парадоксальным образом власть, которая возникла как антитеза Российской империи, в относительно короткие сроки полностью (хотя и под другими именами) заимствовала ключевые образы русской культуры и доимперского, и имперского периодов. Причем здесь ориентация на Сибирь, овладение ее просторами (архетип русского пространства) стали ключевыми. Совсем не случайно именно в зауральских просторах делаются многочисленные попытки построения города будущего, нового, гармоничного общества от Города на заре (Города юности) Комсомольска-на-Амуре до Ангарска, Шелихово, Амурска и т.д. Да и идеи интернационализма, «вселенского проекта» здесь оказались менее всего отягощены локальной ксенофобией. Ведь в эпоху Советского Союза Сибирь осваивали всей страной. Сюда, особенно на восток России, ехали миллионы выходцев из всех союзных республик, из всех краев и областей европейской России. Полиэтничность и в прежние годы здесь была мощнейшей. Десятки народов Сибири жили рядом с русскими, были для них привычны. Теперь же полиэтничность становится нормой, как и смешанные браки, в которых рождались новые, советские (русские, российские) дети.

Сохранялись особые отношения между сибиряками и властью. Конечно, опыт ГУЛАГа наложил свой отпечаток на сибирское сообщество, как и опыт прежних каторжных работ. Однако для местного населения отношения с властью, особенно во второй половине XX в., были отношениями между партнерами. Именно власть выступала главным заказчиком и потребителем продукции, производимой в Сибири. А сам перечень этой продукции стал за минувшее столетие гораздо обширнее.

Едва ли не сразу после окончательного установления советской власти на востоке страны эти пространства были осмыслены как находящиеся в наиболее уязвимом положении. Непрекращающаяся гражданская война в соседнем Китае, наличие агрессивной японской державы, марионетка которой Маньчжоу-Го примыкала к границам СССР, – все это требовало адекватного ответа. В 30-е гг. XX в. в Сибири, а особенно в ее восточной части создается мощный военный щит от возможной агрессии. Но армия без снабжения просто не может быть эффективной. Параллельно с переводом воинских формирований в регион создается промышленная основа будущего ВПК. Усиление угрозы с Запада вызывает к жизни практику создания *заводов-дублеров* в Сибири. Танки и снаряды, корабли и подводные лодки, пушки и пулеметы начинают производиться здесь, дополняя традиционные меха, лес, рыбу, металлы⁵⁹. Гарнизонное (оборонное) сознание обретает здесь не просто почву, но научно-техническое измерение.

---

⁵⁹ Попов Г.Г. Все для обороны страны? К вопросу о подготовке СССР к войне в довоенные пятилетки // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 77–83.

В середине XX столетия и позже возникает новая Сибирь – научно-инженерная. Конечно, научная мысль проникает в Сибирь еще в имперский период. Однако большей частью это были приезжие люди, воспринимавшие свою должность только в качестве одного из этапов карьеры. Теперь же ситуация меняется. В предвоенные годы заводы-дублеры работают с пока еще «привозными» кадрами квалифицированных инженеров. Но потребность в собственных инженерных кадрах ощущалась все более остро. Тем более что *сотни инженеров в годы войны отказывались от брони, шли на фронт*⁶⁰. Не случайно именно *сибирские дивизии* спасли ситуацию под Москвой и под Сталинградом.

В крупных, прежде всего бывших «имперских», городах возникает система подготовки кадров от ФЗУ до политехнических институтов. Ядро профессуры этих учреждений часто составляли столичные звезды, решившие добровольно или не очень сменить прописку в беспокойной столице на более спокойную и сытую жизнь в сибирском городе. Постепенно в сибирских и дальневосточных столицах складываются собственные инженерные школы. И не только инженерные.

Новый толчок для научно-технического развития Сибири связан с идеологией покорения Севера, освоения новых просторов. Во второй половине прошлого столетия страна, восстанавливающая себя после чудовищной по своей тяжести и разрушительным последствиям войны, в условиях обостряющегося противостояния с Западом, усиливающейся технической конкуренции в области вооружений остро нуждалась в новых источниках дохода. Как обычно, такие источники нашлись в Сибири.

Нефть из месторождений Западной Сибири, строительство Байкало-Амурской магистрали, развитие Северного морского пути и добывающего комплекса в Якутии, расширение добычи полезных ископаемых в Иркутской области и Забайкалье, Хабаровском крае и близ Магадана не только стали новым импульсом экономического и социального развития страны, но и породили острейшую потребность в инженерных кадрах наивысшей квалификации, которые готовились бы здесь же, в Сибири. Причина проста. Как отмечал в беседе один из руководителей крупной нефтедобывающей компании, инженер, который полгода не выходит на смену, «теряет чуйку». И это были не просто инженеры. Это были люди, умеющие мечтать, жить невероятными сибирскими просторами. Это были люди, способные видеть завтра. В Сибири готовили больше инженеров и ученых-естественников, нежели гуманитариев, более подверженных западным влияниям и культуре. Новосибирский Академгородок задавал тон интеллигенции всей страны. Ему стремились подражать.

Необходимость решения инженерных задач потребовала развития фундаментальных научных исследований. Даже для поддержания необходимых стандартов подготовки

---

⁶⁰ Судьбе таких инженеров посвящена одна из экскурсий («Сережкина война») в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова.

инженерных кадров понадобились математики и физики, химики, геологи, биологи и т.д. самого высокого уровня. Необходимость изучения социальных сдвигов, происходящих в пространстве за Уралом, рационального распределения производственных мощностей и трудовых ресурсов создавала потребность в развитии социально-экономического знания.

Ответом на эти потребности становится создание в 1957 г. *Сибирского отделения (СО) АН СССР*, объединяющего крупнейшие научные силы страны, ориентированные на исследование региона и не только. Возникает и новая форма пространственной организации научного сообщества – новосибирский Академгородок, объединивший в себе исследовательские институты и центры, университет и школы подготовки к исследовательской деятельности, необходимые элементы социальной, культурной и научной инфраструктуры.

Опыт новосибирского Академгородка с его физико-математической и биологической школами, признанными экономическими и социологическими школами оказался самым масштабным, но не уникальным. Уже в момент создания СО АН СССР в него входили Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский и Дальневосточный филиалы. Позже выделяется Дальневосточное отделение АН СССР. Складываются научные центры в Томске и Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ, Якутске, Хабаровске и Владивостоке. Значимые исследовательские институты создаются и в других городах. Возникают научные коллективы, работающие в сферах математики и информатики, энергетики, механики и процессов управления, нанотехнологий и информационных технологий, в области физики, химии, биологии, наук о Земле, экономических и гуманитарных наук, медицины и сельского хозяйства, а также междисциплинарных исследований на стыке наук – все это и многое другое представлено в крупнейших научных центрах Сибири.

В результате Сибирь охотников и крестьян, лесорубов, оленеводов и старателей дополняется Сибирью ученых и инженеров. И это не просто расширение спектра профессий. В эпоху СССР сибиряк становится не просто образованным – он обретает специфическое инженерное мышление. Великий Н.С. Лесков некогда описал уникальный архетип русской культуры – Левшу, умельца на все руки. В советской Сибири сложился не просто «Левша» – здесь сложился Мастер, умеющий не только мечтать и мастерить, но и ставить задачу, разрабатывать проект и, что особенно важно, реализовывать его. И это не только привычный сотрудник завода, инженер, но и рабочий высочайшей квалификации.

В традиционных, идущих от первых покорителей Сибири, профессиях тоже происходят изменения. Сибирский охотник сегодня – это отнюдь не парень из леса с винтовкой, а выпускник вуза или по крайней мере среднего специального учебного заведения, который не только на личном или семейном опыте знает тайгу и тундру, но и изучал

биологию и экологию, умеет понимать, где и как можно или нельзя бить зверя, как восстановить популяцию и т.д.

Именно в советские годы происходит завершение формирования антропологического типа сибиряка. Как и в прошлые эпохи, он умелец-универсал. Но теперь он еще и исследователь, первооткрыватель. Этот человеческий тип не склонен к спонтанным, скоропалительным решениям. Он рационален, по-умному расчетлив. Причем последнее не отменяет и умения мечтать, видеть завтра. Ведь именно мечтатели ехали на новые стройки, уходили в геологические партии, бурили новые скважины, добывали уникальные природные ресурсы. Сколько бы ни осмеивали эту романтику «мудрецы» из столичных «тусовок», здесь люди жили запахом тайги, жили простором и волей расширившейся до последних пределов Сибири.

Действительно, именно в эпоху СССР были реализованы проекты, раздвинувшие границы обитаемой Сибири. Развивалась железнодорожная сеть, вершиной которой стало строительство Байкало-Амурской магистрали. Речь шла не просто о более удобной логистике, а о том, чтобы «призвать к жизни» новые просторы Сибири. Геологические партии проникают все дальше на Север, где их «ждут» нефть и никель, редкоземельные и драгоценные металлы. А вслед за ними в этих все еще неизвестных землях строятся вахтовые поселки, многие из которых стали городами.

Говоря о покорении пространства, о новых сибирских просторах, нельзя не вспомнить о *Северном морском пути*, кратчайшем маршруте из Европы в Азию. Еще новгородцы пытались пройти в Сибирь по холодным морям. Но после нескольких катастроф и государева запрета плавать северными морями долгие годы это пространство посещали лишь исследователи. Да и сами посещения были достаточно локальными и эпизодическими. Фундаментальные исследования этого пространства проводятся во второй половине XIX в. (в том числе по инициативе сибиряка Д.И. Менделеева), а систематическое использование Северного морского пути начинается уже в советский период. Освоение Севморпути было поистине общегосударственным делом, освещаемым в средствах массовой информации, становящимся объектом творчества писателей, поэтов и кинематографистов.

Знаменитая челюскинская эпопея вошла в национальную матрицу самопожертвования и героизма. И сама попытка прохода по Севморпути за одну навигацию на теплоходе «Челюскин» (до того это делалось со стоянкой в устье Енисея), и поведение членов экипажа корабля, раздавленного льдами, и спасение попавших в беду полярными летчиками было воспринято как проявление подлинного героизма покорителей Севера, покорителей Сибири.

Конечно, Северный морской путь развивали прежде всего по стратегическим соображениям. Именно по нему можно было в кратчайшие сроки перевезти военные силы и стратегические материалы с запада на восток и с востока на запад. Но вместе с тем его развитие давало толчок к освоению пространств Крайнего Севера, возможности освоения новых просторов, новых богатств. Да и не только Крайнего Севера. Берингов пролив не только разделяет Чукотку и Аляску. Он же способен соединить их. Конечно, железная и даже автомобильная дорога от станции Транссиба до Петропавловска-Камчатского и далее до Аляски – проект далекого будущего. Пока речь идет о гораздо более близких Якутске (железная дорога) и Магадане (автомобильная трасса). Но развитие Северного морского пути, начинающегося в Мурманске и продолжающегося через Петропавловск до Владивостока и далее, вполне способно создать условия для воплощения в жизнь проекта новых ворот России – не только в Азию, но и в Америку.

К сожалению, часто о сибирской истории писали люди, не понимающие и не желающие понимать эту землю, смотрящие на Запад, осмысляя Сибирь как нечто вечно отсталое. Они видели в ней грубость, неудобство, опасность. Вспомним многочисленные описания Сибири чиновниками, оказавшимися здесь по краткосрочной служебной надобности. Даже великие писатели (например, А.П. Чехов), смотревшие на сибирскую жизнь извне, видели в ней сплошные недостатки и неудобства, которые нужно исправлять мудрым наставникам из центра. Только во второй половине XIX в. появляется взгляд сибиряка на Сибирь (П.П. Ершов, М.В. Загоскин, Н.М. Ядринцев и др.). Да, взгляд еще очень несмелый, фиксирующий то, что будет интересно в столице, а не то, что важно дома. Но он уже был в описаниях уникальной культуры Сибири.

Ведь здесь на основе русской народной культуры сложился уникальный синтез из десятков культур и верований, обычаев и обрядов. Трудно найти сибиряка или дальневосточника, который на охоте поднимет первую чарку, не сбрызнув в честь духа леса или духа реки. Не потому, что суеверен, а просто принято здесь так – уважить свою землю. В свадебных и похоронных обрядах сибирских областей нет-нет да и проскользнет черточка тунгусского или бурятского обряда. Как результат такого синтеза формируется особая стихия сибирской речи, впитавшей в себя архетипы прошлого и настоящего, являющейся подлинным домом русской истории, русской судьбы.

Из этой стихии русской речи, вобравшей в себя бескрайние просторы, сотни говороручейков, рождалась сибирская литература, особая литература – про свое, сибирское, настолько русское, что при переводе теряется самая важная часть книги – та, что обращена к запредельной сущности, где во вполне бытовых черточках вдруг угадывается иная, надмирная правда. В лучших образцах искусства Сибири угадываются идущие из фольклора былички, сказания, порой плач, угадывается вековая мудрость народа, воплощенная в словах и предложениях.

В рассказах и повестях Василия Шукшина, Валентина Распутина, Александра Вампилова, в поэзии Евгения Евтушенко и Роберта Рождественского, десятков тончайших ювелиров русской словесности вставала та самая, сбереженная Сибирью Русь со страной Беловодье и незримым градом Китежем. Их герои необычны, непривычны. Они «чудики». Но именно в них сохраняется то уникальное, что некогда философы окрестили духом народа. Этот дух захватывал и окрылял десятки деятелей искусства. Вспомним хотя бы замечательную повесть Валентина Катаева «Время, вперед!» с еще более популярной музыкой Г. Свиридова к экранизации повести. Вспомним замечательные фильмы о людях Сибири, снятые в советский период. Авторы эти произведений и множество других талантливых авторов создавали творения о просторе, о воле, о том, чем жила Сибирь и люди в Сибири.

Сибирь современная: работаем и ждем

По Сибири распад Советского Союза прошелся особенно тяжело. Ведь очень многое здесь было инициировано государством, поддержано им. Государство было главным заказчиком-спонсором и для фундаментальной науки, и для крупнейших производств, и для транспортной и социальной инфраструктуры. Государство не только обеспечивало востребованность продукции сибиряков, но и определяло сам смысл существования людей на территории. Так, для подавляющего большинства жителей Дальнего Востока, да и не только Дальнего Востока, именно осознание себя в качестве защитника страны, крепости СССР на востоке было важнейшим элементом самосознания. То самое «оборонное сознание» воплотилось здесь особенно ярко.

Все это в одночасье рушится. Распадаются столь важные для Сибири межрегиональные связи, предприятия сбрасывают социалку, стремясь как-то выжить. Как в любом кипящем море, на поверхность вырывается «накипь». Идет хищническое разграбление «советского трофея», да и самой сибирской земли чужаками, не знающими и не желающими знать местные нормы и традиции. В советском (и имперском) прошлом удаленная власть оставляла для сибиряка важнейшую роль – роль хозяина. Теперь же гораздо более близкий «предприниматель», «бизнесмен», ухвативший часть прежней народной собственности, превращал его в наемного работника, зависимого, почти крепостного. Начинается отток населения из некогда освоенных пространств в более обжитые.

Но в Сибири всегда так: где слабый не выдержит, там сильный останется. Сибиряки привыкли выживать в сложных, почти невыносимых условиях. В исторически кратчайшее время, уже к исходу 1990-х гг., на основе «маленькой», локальной экономики начинают восстанавливаться региональные хозяйственные системы. Наиболее мерзкие порождения эпохи «воровского капитализма» заканчивают свою жизнь на кладбищах. Выстраиваются связи с соседями внутри страны и через границу.

Отчаянными усилиями жители и власти региона старались сохранить то, что сложилось в Сибири за прошедшие столетия: науку и производства, звероводческие хозяйства и леспромхозы, заводы и университеты. Не все было успешно, многое оказалось утеряно. Ушли рабочие кадры высшей квалификации (потеря, полностью не компенсированная до настоящего времени). Распались в эпоху безвременья научные коллективы, инженерные школы. Все это еще придется восстанавливать. Ведь главная сила, которую ждали, в которой нуждались, – центральная власть – на тот момент была не силой, а слабостью. Но осталось главное – сибирские люди и их традиции. Обида на «Москву», по мнению местных жителей «бросившую» Сибирь, не переросла в обиду на Россию. Напротив, сибиряки, дальневосточники начинают осознавать себя хранителями подлинной сущности страны и ее народа.

Уже не Русь идет «встречь солнцу», но подлинное солнце – Россия идет с Востока, из своего настоящего дома. Здесь, дома, в Сибири, главные богатства страны, здесь сохранились главные, определяющие архетипы русской культуры, впитавшей в себя культуры народов России, здесь человек живет не как в Европе, Америке или где-то еще. Он живет в России. И не просто живет. Сибирь вынашивает множество новых идей и проектов о том, как нам обустроить Россию, как сделать жизнь здесь по-русски яркой, по-сибирски основательной, богатой и удобной⁶¹.

И это не просто маниловские мечтания. Реализация мегапроекта «Поворот на Восток» и активность жителей Дальнего Востока (*тихоокеанской Сибири*) в его рамках тому доказательство. О будущем здесь не просто думают – над ним работают. Для того чтобы эта работа вырвалась за рамки региона, стала действительно всероссийской, нужна *политическая воля*. Нужно донести до каждого жителя страны то вполне очевидное обстоятельство, что жить в Сибири сегодня – это не наказание, а привилегия жизни в удобном месте со сказочными природными ландшафтами, где есть высокооплачиваемая работа, льготные программы получения жилья, интересная культурная жизнь.

Житель Сибири привык ждать. Ждать, когда страна очнется от накопленного «западного сна». Сибиряки ждут. А дождутся ли, во многом зависит от успешности проекта «Сибиризация России».

---

⁶¹ Более подробно об экономических перспективах Сибири будет рассказано в одном из следующих докладов, подготовленных в рамках Тобольского клуба.

